ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
№ 3 (117) 2016

Павел Шарамет:

Я не збіраўся з'язджаць са сваёй краіны

Неапублікаванае інтэрв'ю

Конечно, теперь он станет посмертным лауреатом всех журналистских премий. Вскоре, не сомневаюсь, появится и премия Павла Шеремета. Только уже без самого Павла. Ее будут получать талантливые и отважные мальчики и девочки. И эта премия будет куда круче превратившейся в траченный молью мешок ТЭФИ.

В Киеве Павел в третий раз начал с нуля и в третьей по счету стране с легкостью стал уважаемым и узнаваемым. Никто не сомневался, что завтра он может оказаться в Грузии, послезавтра — в Никарагуа или где-нибудь еще, где интересно и опасно работать. Но четвертого раза не будет. Другим странам не повезло — у них никогда не будет такого журналиста. А у нас он был.

Александр Федута

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

АБАЖУР

№ 3 (117) 2016

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Здымкі на вокладках: з архіву «Абажура», Арцём Лява, Генадзь Верацінскі.

Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009.
Падпісана да друку 22.08.2016.
Дата выхаду 31.08.2016.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 500 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7—32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Цімі разева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10,
(017) 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Яны нас не спыняць

Такі надпіс я ўбачыў на адным з вянкоў 23 ліпеня, калі мы развіталіся з Паўлам Шараметам. Мне падаецца, што сёння гэтыя словы гучаць як крэда калег і аднадумцаў Паўла, якія выбралі свабодную, праўдзівую, прафесійную журналістыку.

Уладзімір ДЗЮБА

Аднак такое рашэнне напрамую звязана з рызыкай і зусім неспакойным жыццём практычна ў любой постсавецкай краіне.

Выбар

Кожны чалавек яго робіць сам, абапіраючыся на свае перакананні, сумленне, жыццёвы досвед, інтэлект…

Свабодную журналістыку і працу на карысць грамадства выбралі большасць маіх калег. Многія з іх цярпелі праслед, але засталіся непапраўнымі рамантыкамі з абвостраным пачуццём справядлівасці і верай у лепшае. Ім заўсёды было ўласціва пачуццё прафесійнай і чалавечай годнасці.

Такім быў і зусім яшчэ малады Павел Шарамет. Шмат артыкулаў-успамінаў з'явілася пасля яго зыходу. Аднак прывяду невялікі фрагмент нашай з ім размовы, што адбылася неўзабаве пасля яго вызвалення з гарадзенскай турмы ў 1998 г.

Тады ўстанова УЖ 15/ст.1 у пэўным асяродку лічылася надта жорсткай. На самым пачатку 90-х тут наспяваў бунт і большасць вязняў аб'явілі галадоўку. Бацькі асуджаных, якія стварылі аднайменны грамадскі камітэт, перадалі мне ліст з «крыткі» (так у народзе называлі гарадзенскую турму). Карацей, мне ўдалося запісаць інтэрв'ю з адміністрацыяй турмы, з асуджанымі-«аўтарытэтамі», зрабіць некалькі радыёрэпартажаў з карцэра, «гумавай» камеры ды яшчэ «прэс-хаты», на якую ўказалі тыя, хто супраць сваёй волі там пабываў.

Па словах асуджаных, у «прэс-хату» «прапісваюць» тых, хто не жыве «по понятиям». За блок цыгарэт, пакунак гарбаты ці кіло каўбасы яны могуць зрабіць з чалавекам што заўгодна. Перш за ўсё зламаць фізічна і зняславіць, то бок «апусціць». За што ўсе астатнія «насельнікі» турмы ставяцца да іх з адкрытай пагардай. Да гэтых «вырадкаў» (слэнг «правільных пацаноў». — *Аўт.*) звычайна падсялялі тых, хто канфліктаваў з адміністрацыяй установы, быў надта непакорлівым ды задзірыстым.

Адзіная магчымасць пазбегнуць знявагі ў такіх варунках — парэзаць сабе вены ці жывот. Крыўдзіцелі проста вымушаны будуць выклікаць ахову і ўрача.

…Сядзім з Паўлам у былым офісе БАЖ за кубачкам кавы. Пытаюся: «Як да цябе ставіліся асуджаныя, ці не было правакацый?»

— Нармалёва, — адказвае. — З разуменнем і нават павагай.

— Ты ведаеш, што цябе маглі кінуць у «прэс-хату»?

— Мяне пра гэта папярэдзілі і расказалі, што можа адбыцца. Мне перадалі лязо брытвы, якое я схаваў у красоўкі. Я быў гатовы, зняважыць мяне ім бы не ўдалося.

Як і многія іншыя, я паважаў Паўла як сумленнага, таленавітага журналіста. Як і многія, бачыў

яго адкрытую душу рамантыка. Аднак, шчыра прызнаюся, не чакаў ад 26-гадовага калегі такой цвёрдасці духа і рашучасці. І добра, што тады ў гарадзенскай турме яму не давялося даставаць лязо… Бо асуджаныя «з вопытам» паласуюць па венах асцярожна, а на жываце разразаюць толькі вонкавую, тлушчавую праслойку, каб не пашкодзіць кішэчнік. Паша гэтага не ведаў, а я вырашыў яму тады не расказваць, каб не сурочыць… Тым больш што ліха выпала ў той час на яго долю дастаткова.

Неўзабаве ён вымушаны быў пакінуць Беларусь і з’ехаў працаваць у Расію. Пра гэты перыяд яго жыцця чытайце інтэрв’ю «Я не збіраўся з’язджаць са сваёй краіны!» у гэтым нумары «А».

Маўчанне ўзамен на жыццё

Менавіта такую мадэль паводзінаў прапануе журналістам любая аўтарытарная сістэма. Яшчэ больш зацікаўленыя ў нашым маўчанні карупцыйныя структуры. Сёння карупцыя і тэрарызм ідуць поруч.

Таму, дзе б вы ні былі, вашай спадарожніцай заўжды будзе рызыка. Вы сумленны прафесіянал? Тады шанц патрапіць у прыцэл узрастае шматкроць — што ў Расіі, што ў Беларусі ці ва Украіне. Бо ЯНЫ баяцца публічнасці і таму забіваюць Нас. Дарогу да ўлады Яны расчышчаюць падманам і крывёй у хаўрусе з падонкамі-выканаўцамі.

…Больш як 20 гадоў таму ў студыю прамога эфіру Беларускага радыё я запрасіў прадпрымальніка са Жлобіна, які наладзіў вытворчасць цэглы і яшчэ чагосьці. Малады, энергічны, поўны аптымізму, ён арганізаваў продаж сваёй прадукцыі і даў людзям магчымасць зарабляць на годнае жыццё. Тады, як і цяпер, такое было рэдкасцю. І я спытаў: ці не баіцца ён, што, як у 1917-м, прыдуць «экспрапрыятары» і ўсё забяруць?

Адказ быў нечаканым: «Я думаў пра гэта. І перастаў усяго баяцца, калі асэнсаваў, што ЯНЫ ні на што больш не здольныя. Сапраўды, Яны могуць прыйсці і ўсё адабраць. Яны нават могуць мяне забіць. Але Яны ніколі не змогуць выцягнуць эканоміку з дрыгвы! На гэта ў іх проста не хопіць розуму, ды і непатрэбна ім гэта. Такія могуць толькі абкрадаць ды забіваць!»

Гэтыя словы прагучалі на ўсю краіну. Тады людзі, як і журналісты, не баяліся гаварыць адкрыта. Бо верылі ў перамены да лепшага і ў тое, што іх пачуюць. Цяпер жа нават самую абгрунтаваную крытыку выказваць баяцца. Бо калі не карупцыянеры, дык сістэма не даруе — адпомсціць. Супраць ўсялякай навалачы маюць мужнасць выступаць толькі журналісты незалежных СМІ ды некаторыя апазіцыйныя палітыкі — у Беларусі, Расіі, Арменіі, Азербайджане, Кыргыстане, ва Украіне…

Павел Шарамет таксама не маўчаў.

Грамадска-палітычная сітуацыя ва Украіне вельмі складаная, як расказаў «А» Віктар Підлісны. Ён кіраўнік Данецкага тэлебачання, да офіса якога ў Краматорску нядаўна падкінулі гранату. «Украіна па-ранейшаму жыве ў сістэме, створанай значна раней за сённяшнюю ўладу. Гэта сістэма не выкараненая, — распавядае Падлісны. — Галоўная праблема для Украіны сёння — гэта карупцыя і беспакаранасць людзей, якія пры ўладзе і пры грашах. Бо без хабару ты нічога не вырашыш. І ўсе ў грамадстве нібыта ведаюць, хто злачынца, называюць іх, але мы не мелі пакуль ніводнай рэзананснай справы, якая б дайшла да суда. Вось пра гэта трэба казаць. І мы кажам… Зараз у нас пачасціліся выпадкі, калі людзі прыходзяць і бяруць за грудкі таго ці іншага пракурора, які не завёў справу па нейкай выкрытай карупцыйнай схеме. Людзі пасля Майдана ўжо не будуць цярпець… Я думаю, сітуацыя будзе мяняцца».

Ізноў надзея, якая, як часта жартуюць, памірае апошняй. Хаця менавіта надзея ў немалой ступені дапамагае нам заставацца ў прафесіі і канчаткова не звар’яцець пасля ўсяго, што давялося перажыць у часы «найноўшай гісторыі» Беларусі. Гэта —ператрусы ў незалежных рэдакцыях ды кватэрах журналістаў, «выняцце» носьбітаў інфармацыі, збіццё ды пагрозы з боку «невядомых асоб», суды паводле позваў «пакрыўджаных» чыноўнікаў і непамерныя штрафы, суткі на нарах у СІЗа, абвінавачванні ў шпіянажы, «прафілактычныя» гутаркі ў пракуратуры і КДБ, узбуджэнне крымінальных спраў і пазбаўленне волі…

Аднак самыя чорныя для нас даты — «знікненне» Дзімы Завадскага (7 ліпеня 2000 г.) і забойства Веранікі Чаркасавай (20 кастрычніка 2004 г.). Цяпер вось Паша Шарамет — 20 ліпеня 2016 г.

Мы заўсёды іх помнілі і будзем помніць. І будзем рабіць усё, каб ачысціць нашу зямлю ад брыдоты. З надзеяй, што прыйдзе час, калі беларускае грамадства не лісліва, як зараз, а шчыра ўсміхнецца добрым пераменам.

Яны Нас не спыняць!

Павел Шеремет:
Я не собирался уезжать из своей страны!

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Когда человека уже нет, а диктофон сохранил разговор с ним, то вроде как развязываются руки. И теперь, казалось бы, можно публиковать все, что осталось «за кадром». Ведь тот, кого нет, уже не скажет: «Не смей! Этого печатать не нужно».

Хотя, признаюсь, у меня был такой соблазн и очень сильный. Потому что сохранился весь снятый с диктофона текст нашего общения с Пашей Шереметом. Это было шесть лет назад. Уже после лишения его белорусского гражданства и после того, как он ушел из Останкино.

Хотелось обнародовать разговор полностью, как бы с «чистого листа». Но я перечитала старое, готовое интервью и все оставила как было. С этим вариантом тогда согласился Павел. Большего выносить на публику он не хотел. Я добавила только кое-какие пояснения, стараясь максимально сохранить его стиль.

Мы разговаривали с ним очень долго в редакции журнала «Огонек», куда он ушел с телевидения. И потом, когда интервью было написано, я отправила Паше почитать. Ему не понравилась одна (его собственная!) фраза, вернее, одно слово. Он выразил недовольство по электронной почте настолько экспрессивно, что интонация чувствовалась в каждом слоге: «Не смей! Не смей меня подставлять!».

Я рассердилась и настрочила ответ длиной в метр. Пыталась объяснить, что если он это слово повторил во время интервью «двадцать раз» и если многие по отношению к нему это слово употребляли, то не разумнее ли все прояснить?

Не сразу (через три дня) от Шеремета пришло уже на удивление не сердитое, а вполне нормальное коротенькое письмо: «Извини, забудь. Давай, как есть ставь. Я там уточнил только пару слов».

Это было в июне 2010 года — Беларусь жила ожиданием выборов. Как все помнят, выборов необычных, почти настоящих, с пикетами, с кандидатами и их платформами, с командами и информационными сайтами.

За две недели до этого, в мае 2010-го, в Минске уже гудели страсти.

Тогда компания «Говори правду» была еще просто гражданской инициативой с Некляевым во главе, о президентских амбициях не было сказано ни слова, но открытки и флаги уже появлялись. Методы и масштаб охвата этого действа кого-то настораживал, кого-то радовал, у кого-то появились мечты о купюрах. Очень многие думали, что на финансы, которых, в общем-то, никто из репортеров не видел, клюнут известные журналисты, уехавшие в Москву и оставшиеся там вроде как насовсем. Мол, вдруг они вернутся в страну работать на выборах в качестве тяжелой артиллерии?

В Москве уехавшие земляки тоже говорили о предстоящих белорусских выборах и о размахе компании, которая обещала говорить правду. И вот однажды, сидя в кафе с одним из таких уехавших, мы заговорили о реальности возвращения, если изменится ситуация. И заодно о причинах отъезда. Собеседник выразил сомнение в том, что «москвичи» поедут на выборы и тем более вернутся насовсем, даже если что-то изменится. И особенно маловероятно, что вернется Шеремет. Потому что у него «не сложилось» не только с властью, но и с некоторыми минскими коллегами.

Тот, с кем мы говорили в кафе, вдруг предложил:

— Если в компании «Говори правду» так любят говорить правду, пусть они выяснят, почему уезжали далеко не худшие журналисты и захотят ли они вернуться, если сменится власть!

Я решила, что это неплохая идея. И предложила сайту ГП мини-проект — серию интервью с уехавшими.

Согласились поговорить лауреат премии ТЭФИ Леонид Канфер, Дмитрий Шепелев, к тому моменту уже «звездивший» на Первом канале, Виктор Дятликович, осевший в Москве на улице Минской и писавший отличные тексты в «Русский репортер», еще несколько человек и Паша Шеремет.

Я ему позвонила. Павел сначала не хотел говорить в таком разрезе. Он был действительно обижен на Беларусь. Но в гости все равно позвал. В редакции «Огонька» вечером было пусто, а Шеремет, казалось, был немного напряжен.

Я всегда включаю диктофон на запись, как только переступаю порог. Паша заметил, что «контора пишет», и засмеялся. Сначала разговаривали о всякой ерунде, о личном, о семьях, о том, с кем он летел в самолете в Польшу (это был канун внеочередных польских президентских выборов)… Так могло и закончиться наше «интервью». Паша в конце концов даже сказал: «А давай — по кофе. Хорошо пообщались, а тот, основной разговор отменяется. Я ведь не прошусь назад в Белоруссию (он говорил именно так — Белоруссия). — Я вообще, — говорит, — человек мира, ты ведь помнишь?»

Он действительно говорил такое еще в Минске, когда я писала в свою рубрику большое интервью с ним — после того как его фактически выгнали из страны. Он приезжал, не афишируя визит, мы сидели на улице Красной, в его корпункте.

Шеремет тогда несколько раз называл себя человеком мира, желающим работать там, где есть возможность делать работу, где есть темы и масштаб. Он явно не имел в виду Беларусь — ту, которой она стала к началу нового века для журналистов. Но даже позже, во время нашего разговора в «Огоньке», когда он сказал: «Я перевернул страницу»… он все равно постоянно говорил о Минске, о том, что, к сожалению, все более как профессионал отдаляется, что его время в Беларуси истекает, что он уже у нас чужой. Он действительно практически оставил Беларусь и убеждал себя, что его отъезд никого уже не интересует и не касается.

Я возразила: «Как это не касается? Паша, но ты же не один уехал! Именно после твоего отъезда свободная пресса фактически перестала существовать».

События разрыва Шеремета с его страной обросли такими несуразными подробностями, что уже мало кто помнит, что и почему случилось в 1996-м и после. Съемочная группа ОРТ во главе с Павлом пересекла границу Беларуси с Литвой, чтобы показать, что, несмотря на развал СССР и возникновение отдельных государств, пути-дороги по-прежнему открыты и любой желающий — по тем временам их было немало — может найти лазейку. Государство Беларусь сочло акцию преступной, и Шеремет оказался в тюрьме. Читателей газет

Я получил хорошее образование и понимал, о чем говорил. Те, с кем я говорил, понимали, что я разбираюсь. И зритель видел, что в кадре разговаривали на равных люди, понимающие, о чем речь. Это очень важный момент.

и зрителей ТВ до самой запредельной степени запутывали информационные носители противоборствующих сторон. Одни (оппозиционные) говорили, что Шеремет — герой. Провластные сообщали, что подобных негодяев надо еще поискать. Как бы там ни было, конфликт иссяк в 1999 году: Шеремет покинул Беларусь и уехал работать на ОРТ. А Виктор Дятликович, который в ту пору был корреспондентом того же белорусского корпункта ОРТ, уехал еще раньше — после того, как его попытались вмешать в эту историю. Он вообще был не при чем — молодой талантливый репортер в корпункте ОРТ. В итоге белорусская пресса лишилась двух профессионалов.

Именно «репортаж с границы» и последующие события дали старт массированному марш-броску белорусских журналистов в иные страны. Поэтому я и настаивала на разговоре не только «за жизнь». Хотелось вспомнить и то, как у Шеремета все красиво начиналось.

— Павел, скажи правду, как возникали в 90-е годы кумиры журналистики, которые потом поразъехались? Если говорить о начале твоей карьеры, то многие уверены, что тебе просто повезло: оказался в нужное время в нужном месте — народ был уже готов к новому, и ты, как телекомментатор, это новое просто-напросто людям дал. Вот и слава пришла. И все тебя хотели взять под крыло. Государство — в том числе.

— Ты серьезно так думаешь? Мало ли кому жизнь дает шанс! Главное, всегда быть готовым к тому, чтобы воспользоваться им. Меня пригласили в новую программу «Экономикст» как эксперта, а не как ведущего. Сначала был «Экономикст», а не я. На тот момент у нас вообще не было экономических передач. Поскольку я был знаком с некоторыми тележурналистами, меня попросили попробовать написать проект информационно-аналитической программы. Я и написал, потому что мне это было интересно. Вот и все. Текст ушел куда-то в недра БТ… Гулял он там, гулял и попал в студию «ФИТ». Меня разыскали и предложили принять участие в этой новой программе «Экономикст» — я с удовольствием согласился. …Повторяю: сначала обратила на себя внимание именно эта новая программа. А я к ней имел самое непосредственное отношение. Могу объяснить, почему эта по сути специализированная передача, вышедшая в 1993 году, сразу стала популярной. В конце 80-х — начале 90-х людям элементарно не хватало информации для того, чтобы разбираться в изменяющихся экономических отношениях. А я на тот момент уже имел образование историка, прошел отличную московскую философскую школу, читал разные книжки и заканчивал учебу в нархозе, была определенная тяга к аналитике. Сначала я просто писал для журналистов «Экономикста» тексты, придумывал темы и сюжеты для репортажей, комментировал события, потом стал соведущим. За месяц до первых президентских выборов на «ФИТе» решили сделать еще и информационно-аналитическую телепередачу — «Проспект». Взяли за основу мою давнюю разработку, а я стал автором и ведущим программы. К слову сказать, все, кто работал тогда над «Проспектом», давно уже в Москве или работают в Минске, но на зарубежные СМИ.

— Хочешь сказать, что то смутное время вам никак не помогло? Просто вы были талантливее других? А потом вас перестали ценить?

— Нет! Не провоцируй. Я понимаю, куда ты клонишь. Время помогло. Да. С «Проспектом» мы вышли в эфир действительно в удачный период — за две недели до президентских выборов. Кебичу и его идеологам было не до нас. Настало своеобразное безвременье, и поэтому мы могли работать так, как считали нужным. Результат зрителям понравился. Главное ведь было в том, чтобы власти не мешали творчеству! И тогда сразу появится масса интересных проектов, среди них будут такие, которые выстрелят в яблочко — вот я о чем, а не о том — талантливые или нет.

— Паш, ну ведь люди без искры не придумают ни одного проекта. Кто же с этим поспорит?

Шеремет не обратил внимания на эту реплику про талантливых искрометов и, по-моему, мысленно уже умчался в весну 1994 года. Во всяком случае в диктофоне вдруг повисла пауза и я написала для себя ремарку, когда расшифровывала запись: «молчит, задумался о прошлом».

Потом в моем тексте был такой вопрос:

— Павел, а может, интерес был еще и потому, что народ не привык, чтобы с ним так свободно разговаривали и доступно объясняли то, чего ему никогда никто не объяснял: про экономику, про злободневное? Вот зритель и уставился на тебя

Я не учился на журфаке. У меня не было прививки «на цензуру». На журфаках — особенно белорусском — портят вкус. Хорошие журналисты выходят, как правило, не благодаря, а вопреки системе образования.

в экран. Говорили: «Во-о-он как он завернул — смело-то...» А потом вдруг стали называть тебя «выскочкой».

Вот из-за этого слова и получился у нас с Пашей потом эпистолярный спор. Он нормально отреагировал на мои слова во время разговора, более того, сам до этого несколько раз с горечью говорил о том, как ему надоело слышать это слово. Но увидев «выскочка» в тексте интервью, сразу рассердился и написал гневное письмо: «Не смей!..» А тогда мы спокойно разговаривали об этом, и потому я спокойно закончила вопрос такими словами:

— Так что это было на самом деле — смелость? Или ты и впрямь от головокружения начал «выскакивать»?

— Мы действительно не казались, а именно были смелыми. Но надо признать, что наша смелость поначалу не подвергалась испытаниям. А по поводу выскочки — так всегда есть завистники и идиоты. Я (в отличие от многих журналистов того времени) получил хорошее образование и понимал, о чем говорил. Те, с кем я говорил, понимали, что я ПОНИМАЮ. И зритель видел, что в кадре разговаривали на равных люди, понимающие, о чем речь. И это очень важный момент.

Второе: я не учился на журфаке. У меня не было прививки «на цензуру». И потом, на журфаках — особенно белорусском — портят вкус. Хорошие журналисты выходят, как правило, не благодаря, а вопреки системе образования. Ведь там всех пытаются упаковать в серые ящики, а тем, кто выскакивает, дают по башке. У меня такого опыта не было, а потому не было внутренних тормозов. Я смотрел лучшие российские и западные передачи, слушал, как и о чем там говорят, смотрел, как сверстаны у них программы и старался держаться в таком контексте. После президентских выборов новая власть очень сильно заигрывала с журналистами. И я был поначалу даже «любимым». Не только для рядового зрителя. Понимаешь, для кого, да? Но скоро эйфория закончилась. Все, кого новая власть лестью смогла перетянуть на свою сторону, уже перешли под «знамена». Для остальных через три месяца после выборов начались серьезные осложнения, а к концу 1994 года мы практически уже ходили «на грани». В марте 1995-го наш «Проспект» закрыли. Причина — первый референдум, когда я выступил категорически «против» — конечно, не как Зенон Позняк, я ж не мог выступать с политических позиций, — но как журналист. Старался сделать максимум, чтобы сорвать процесс смены символики. Когда «Проспект» закрыли, я написал заявление и ушел. В никуда. Подчеркиваю: в ни-ку-да. Четыре месяца я был без работы.

— А что, предложений совсем не было? Например, с БТ — ведь даже недоброжелателям было ясно, что ты отличный телекомментатор и репортер.

— Нет. Никаких. Это — к разговору о том, кто счастливчик и кому «повезло». Я пытался писать статьи — в «БДГ» и «Белорусский рынок», информационные агентства создавал... Ну, все это... я ведь не был в журналистской тусовке, вся эта моя деятельность была обречена, поскольку я был на обочине грантовых проектов. Тогда уже люди активно делили гранты, но это — закрытая «компания», а я большинство журналистов даже в лицо не знал, потому что был из другого мира.

Потом я уехал отдыхать, а вернувшись, снова зашел в «БДГ». Смотрю: пусто. Оказалось, все ушли от Петра Марцева. В редакции был только покойный теперь уже Саша Михальчук, он мне и сообщил новость, что народ пошел создавать «Белорусскую газету». И вот — в эту секунду, в этот самый момент, я понял, что именно сейчас у меня появляется шанс. Более того, я был уверен: Марцев предложит мне стать главным редактором «БДГ». Я не знал всех подробностей конфликта, не видел еще даже Марцева, но внутренне с этим несуществующим пока предложением уже согласился. Самое смешное, что в этот же день мне сделал предложение перейти на работу в «Белорусскую газету» и Игорь Высоцкий, который был инициатором развала «БДГ». ...Что бы там ни говорили, я — правда! — ничего не знал про их внутренний конфликт. И все обвинения в том, что я и тут сам себе «пиарщик», «все ухватил», не состоятельны. Я тебе говорю сейчас обо всем честно: это был действительно случай.

Из-за той истории многие до сих пор ко мне ревностно относятся, особенно те, у кого было по молодости блистательное начало, и они рассчитывали на эту должность.

— Это ты кого имеешь в виду?

— Зачем? Ну зачем ты спрашиваешь? Они рассчитывали... Ну что ж... тогда у многих было блистательное начало, потому что было голое поле: любой

кол забей — он уже обращает на себя внимание. Но из всех возможных кандидатов на роль редактора «БДГ» — тех, кто находится в поле зрения Марцева, я единственный одновременно понимал что-то в экономике и уже — в журналистике.

— С этим никто не спорит. Но почему ты ушел?

— Потому что… Давай так: по ряду причин я ушел из «БДГ» на ОРТ. Затем — «граница», суд, мне дали срок условно. Год я после этого находился в Беларуси и не собирался никуда уезжать. Я — Не собирался — Уезжать — Из своей — Страны!!! Ты понимаешь? Но ведь я уже не мог работать: меня лишили аккредитации, документов, тогосего… А зарплату ОРТ пока платило. Я понимал, что рано или поздно скажут: «Ну хватит уже, у нас были большие планы на минский корпункт…» Планы действительно были серьезные: расшириться до Смоленска и Польши плюс Прибалтика. Мы и корреспондентов под это дело собирались взять — лучших репортеров. Дятликович уже работал. К сожалению, не реализовалось. Еще несколько лет я из Минска разъезжал по командировкам в другие страны (в Беларуси снимать не имел права), помогал делать сюжеты в минском корпункте, по-прежнему писал в «БДГ» — с этой газетой я связи никогда не терял. Однако такое подвешенное состояние долго продолжаться не могло. Поэтому, когда в 1999 году меня позвали в Москву на работу, я согласился и уехал.

— Ты доволен московской жизнью?

— Нельзя сказать однозначно. В разные периоды случается по-разному. Когда-то я вел аналитическую программу «Время» — это казалось вершиной карьеры, но потом я был не доволен, потому что заставляли заниматься пропагандой, и я ушел. Стал снимать документальные фильмы и одно время очень был доволен. Но и в России постепенно усиливалась политическая цензура. Темы, которые я планировал, сделать было уже невозможно.

Параллельно все эти годы я занимался и белорусскими проектами. Кстати, сейчас мне кажется, что зря тратил силы, время и деньги. Что из этого вышло?

— А что вышло?

— Давай, не придуривайся… Ты все прекрасно понимаешь. Я — «свой среди чужих и чужой среди своих».

В этот момент я запомнила даже выражение Пашиного лица. Он сидел напротив, далековато от меня, кабинет был довольно просторный, как небольшой класс. Горела неяркая лампа, было часов 11 вечера. Он посмотрел на часы и спросил, далеко ли мне добираться. Я сказала: «Нормально, доеду». Кофе стоял немного в стороне от него, а я свой потихоньку пила, так как говорил уже в основном он. Паша кивнул головой на мое «нормально», наклонил немного голову набок и посмотрел сначала на свою чашку, потом поверх моей головы. Качнулся на стуле. Смотрел как-то непонятно — внутрь себя, что ли. Начал подбирать слова, чего с ним раньше не было. Он говорил, как бы сам себе объясняя:

— В Москве я не мог полностью зацепиться и осесть, потому что мыслями был в Беларуси, а в Беларуси не мог ничего толком сделать, потому что живу в Москве. Проект под названием «Белорусский партизан» для меня уже как чемодан без ручки: нести тяжело, бросить жалко. Я с удовольствием это дело кому-нибудь передам, хотя пока не определился — кому. Кто-то боится эту работу на себя взваливать, кто-то недостоин, кто-то не потянет… Проект сейчас функционирует уже как бы без меня, я не вмешиваюсь, бывает, неделями не слежу. Но все-таки хочется, чтобы за это дело взялся человек, способный продвинуть идею дальше…

И потом, я хочу, чтобы все поняли наконец: «Белорусский партизан» — это не пропагандистский и не политический ресурс. Этим он отличается от многих оппозиционных сайтов. А я не могу им заниматься просто потому, что давно уже живу в России и отошел от событий, не знаю многих новых персонажей, экспертов, чиновников, политиков. Беларусь — уже плохо понятная мне территория, «Партизаном» должен заняться человек изнутри. Конечно, хочется отдать не бездарям, которые погубят, а серьезным людям. … Думаю вот об этом сейчас…

— Сомневаешься?..

— Да нет, я как раз веду к тому, что для себя все решил: пора перелистать страницы, связанные с Беларусью и сосредоточиться на России. …Жизнь в Москве непростая, но интересная. Накопилось очень много информационных проектов — в рамках разных медиагрупп. Россия дает массу возможностей — я много экспериментирую с интернетом. В общем, работа здесь продолжает приятно удивлять, а это в нашем деле главное.

Когда-то я вел аналитическую программу «Время» — это казалось вершиной карьеры, но потом… заставляли заниматься пропагандой, и я ушел. Стал снимать документальные фильмы... Но и в России постепенно усиливалась политическая цензура. Темы, которые я планировал, сделать было уже невозможно.

— Может, ты решил «перелистать страницы» после отказа тебе в белорусском гражданстве?

— Это не связано. Но ситуация с моим белорусским паспортом настолько нелепа и незаконна, что хочется лишь узнать, какому идиоту пришла в голову такая мысль.

Ведь до 2002 года белорусу можно было иметь только один паспорт, а россиянину — два паспорта. В 2002 году ситуация изменилась. Это когда начались массовые отказы от белорусского гражданства, когда белорусы уезжали и отказывались от белорусских паспортов — уезжали в Израиль, Америку и Россию.

Чтобы не портить статистику и оставить этих людей в зоне своего влияния, были внесены изменения в закон «О гражданстве». Ввели понятие «второе гражданство». Не то чтобы двойное, а второе. Согласно этим поправкам, белорус может иметь кроме второго паспорта любое другое гражданство, но в стране проживания он будет тем гражданином, какая это страна. То есть при въезде в Беларусь он будет рассматриваться как гражданин Беларуси. Если бы меня лишили белорусского паспорта до 2002 года — все нормально было бы, а сейчас — совсем незаконно! Единственное основание — поступление на госслужбу (на военную службу, к примеру), но я вообще ни дня не состоял! И даже не писал заявления никуда. И не просил лишить меня паспорта моей страны! Это месть и первый случай в постсоветской истории, когда человека без его просьбы лишают паспорта. В последний раз так было с советскими диссидентами. Следующий шаг какой? Они поставят в паспорт штамп «запрет на въезд»?

— Чем сейчас, в 2010 году, ты можешь им мешать? Ты к выборам нашим хоть какое-то отношение будешь иметь?

— Никакого. Практического — никакого. Это не я, «Белорусский партизан» — раздражитель. Ну что ж… Они развязывают мне руки, у меня все меньше и меньше тормозов по отношению к этой власти, хотя неприятно, конечно.

Это уже был почти конец нашего разговора. Павел помнил о времени, о том, что мне надо еще ехать по ночной Москве. Но он готов был еще поговорить — мне так показалось. Я спросила:

— Ты мог бы вернуться, если бы что-то изменилось?

— Изменилось? Когда именно что-то изменится, ты знаешь? …У этих людей другой взгляд на мир и по-другому устроены мозги. Меня удивляет, почему люди в Беларуси этого не понимают. Или они просто делают вид, что им все равно?..

Эти последние слова были сказаны уже в дверях. Я не ответила, так как не знала, что отвечать. Шеремет не пошел со мной в ночную Москву, а остался в редакции. Попросил не забыть сбросить ему готовый текст. «А то наговорили тут всякого, а тебе доверия нет», — съязвил он, но улыбнулся вполне дружелюбно.

Спустя пару дней, когда я уже написала текст этого интервью, но еще была в Москве, в Минске «неизвестные» разгромили офис компании «Говори правду», на сайте которого планировалась публикация. Это называлось «представители спецслужб провели обыск». Из помещения вынесли все печатные материалы, системные блоки компьютеров, мониторы, ноутбуки и другие вещи. Все имущество загрузили в автобус и увезли. В этот же день, 18 мая, по сообщениям в интернете, прошли обыски и в квартирах активистов. Что удивительно, никаких показаний письменно не снимали, а личные телефоны и компьютеры забрали.

Такая вот случилась история.

Я к 18 мая интервью с Шереметом и остальными нашими, в Москву понаехавшими, на сайт еще не отправила, так как Павел свое «наговоренное» еще не вычитал. А потом мы с ним пререкались… Потом я решила, что все написанное в Москве вообще уже не нужно, раз пошли обыски, и оставила до лучших времен.

Но оказалось, что в начале июня сайт ГП заработал, и я все-таки отправила эти интервью на новые адреса электронной почты. Из-за перебоев в работе были поставлены не все тексты из моей серии про уехавших. Потом сайт переверстывали, и я до сих пор точно не знаю, было ли это интервью вообще опубликовано и читал ли его кто-то хотя бы из коллег.

«Вот будет мне сорок пять — и что?»

Наталья РАДУЛОВА, «Огонек»

Некрологи Шеремет не любил. Считал самым сложным журналистским жанром — попробуй, мол, выкрутись без фразы «Как трудно писать о нем “был”», найди нужную интонацию, особенно если пишешь о друзьях и коллегах. И вот теперь подходящую интонацию должны искать мы — для него.

Он был. Многим в редакции сразу стал старшим товарищем, который всегда подсказывал — как надо. Щедрый во всем, что не касается конфет, делился знаниями с коллегами и молодыми журналистами, которых учил всюду, где только мог. Както даже откликнулся на призыв христианских блогеров — они просто написали ему, особо ни на что не надеясь: «Не могли бы вы, звезда журналистики… нас пятнадцать человек из провинции… будем очень благодарны…» Он собрался и поехал к ним куда-то в Подмосковье на встречу, учить азам профессии. Почему? «А делиться надо! И заниматься тем, что воодушевляет людей». Идеи, наблюдения, шутки, темы для репортажей, заголовки он дарил легко и благодарностей не ждал. Даже конфеты из своего тайного пакета, спрятанного в тумбочке, в конце концов, быстро раздавал. Поэтому сейчас так хочется ему позвонить: «Паш, слушай, а как вообще про тебя некролог писать?»

Его стол стоял сразу у дверей. И как бы он ни был занят, если ты к нему обращался за советом, он поднимал голову от монитора, закидывал руки за голову и, немного покачавшись в кресле, отвечал. И сейчас бы заявил что-то вроде: «А начни с чего-нибудь смешного. Например, с фразы “Павел Шеремет научил нас пить цикорий”». Цикорий у него был с разными добавками: с черникой, корицей и даже вроде бы с альпийскими травами. Он объяснял, что кофейный этот напиток куда полезнее обычного кофе, который уже довел некоторых журналистов до тахикардии. Лекции эти были, впрочем, хоть и регулярными, но недолгими. Цикорий каменел в красивых упаковках — Паша по нескольку раз на дню звал всех пить кофе.

Когда он появлялся на работе — об этом сразу узнавали все. «О, Шеремет идет», — обязательно произносил кто-то минуты за три до того, как он сам появлялся в дверях. Он не шел — он надвигался, как лавина, захватывая ударной волной своего обаяния

всех, кто оказывался на пути: охранников, начальников или каких-нибудь чиновников, приехавших на интервью. Знакомился, полемизировал, смеялся, чуть отклоняясь назад, — громко, с наслаждением, заполняя собою все. Он даже как-то долго разговаривал с сумасшедшим на проходной — отставной военный принес материал о том, как нас всех облучают инопланетяне. «Я думал: а вдруг он меня сейчас грохнет? Но надо было найти слова, чтобы дядька понял — текст его мы не опубликуем никогда, ходить сюда бесполезно».

В столовой его обожали. Когда уехал на Украину, все равно продолжал сотрудничать с «Огоньком», приезжал в нашу редакцию, обязательно шел и обедать: «Привет, колорады!» Работницы столовой страшно обижались: «Вот зачем уехал? Ты не понимаешь, что там творится?» Он всерьез спорил с ними. В этих спорах нельзя было победить, можно было только, отупевая, повторять одно и то же. Но они опять препирались, каждый его приезд, обо всем и ни о чем. А сегодня утром эти женщины показали кружку: «Пашина. Он из нее всегда пил. Мы спрячем, сохраним».

Те, кто приходит в журналистику за большими деньгами и легкой славой, как правило, долго не выдерживают. И деньги здесь небольшие, и слава противоречивая, и напряг вечный.

Сам он не обижался, казалось, никогда. Мог быть яростным, если отстаивал друзей и то, что считал справедливым. Мог быть сентиментальным — прикладывал руку к сердцу и морщился, показывая, как ему больно. Имел свою точку зрения, наверное, по любому вопросу. Ему часто звонили с радио — просили дать телефонный комментарий на ту или иную тему. Он включался в обсуждение сразу, говорил развернуто, всегда по делу. «Ты что, готовился?» — искренне восхищались мы. А он пожимал плечами: «Нет, просто узнал эту новость в машине, еще утром. И, пока ехал до работы, думал об этом». Метро не любил, поэтому либо вставал совсем рано, чтобы добраться в редакцию без пробок, либо безнадежно опаздывал.

Да! Он наверняка бы посоветовал упомянуть в некрологе и какие-то мелочи. «Все напишут, что покойный был очень контактным, очень позитивным. А ты найди свой ход. Вспомни детали, известные немногим». Детали? Как он, написав хороший текст, в восторге двигался по коридору «лунной походкой» Джексона? Как приводил в редакцию сына: «А мы после работы поедем на футбол»? Как переживал, что дочка взрослеет и надо бы уже отбиваться от женихов? Как называл требовательных редакторов «демонами»? Пародировал Лукашенко и фальцетом пел «Беловежскую пущу»? Хохотал: «Знаете, как меня зовут в Киеве? Павло Шэрэмэт! Павло!»? Любил фотки с белыми медведями и сам был похож на большого мишку? Прощался, подняв руку: «Пока, любы друзи, я поехал!» А когда ему привезли из Африки какую-то деревянную фигурку в подарок, долго разглядывал ее: «Что это за подонок?» и узнав, что это для денег, финансы привлекать, стал натираться «подонком», как мочалкой.

«Без значительной доли романтизма и наивности в нашей профессии нельзя, — говорил в одном из интервью он еще в 2009 году, когда мы все вместе готовили новый «Огонек». — Те, кто приходит в журналистику за большими деньгами и легкой славой, как правило, долго не выдерживают. И деньги здесь небольшие, и слава противоречивая, и напряг вечный. Только романтизм и вера в идеалы позволяют нам не сойти с ума и сохранять себя в хорошей форме».

Он верил в то, что делал. Если понимал, что становится скучно или «трудно сохранить лицо», — просто уходил, навсегда. Выбор, а не случайность определял его судьбу. Он сам решал, чего он стоит и что может дать этому миру. Как и все, конечно, боялся невостребованности, переживал, что недостаточно остро написал текст, не «дожал тему» и что в комментариях кто-то из читателей назвал его бараном. Но больше всего он боялся загубить свою жизнь. «Вот будет мне сорок пять — и что? — часто говорил. — Буду сидеть где-то начальником в кабинетике, скучный, стухший, и перекладывать бумажки? Зачем? Жизнь такая короткая». В кабинетах поэтому долго не засиживался, рвался в поездки, на трудные интервью, к неоднозначным собеседникам и в места, «где что-то происходит». Не унывал, меняя страны, места работы и проживания. Он, кажется, намеренно искал захватывающих ощущений, как на американских горках, — с крутыми поворотами, тряской, волнующими подъемами и уханьем вниз, а потом снова — вверх. Страх и восторг — это было ему уж точно интереснее и ценнее перекладывания бумажек. Что там, за рубежом 45 лет, так и не узнал.

Он был. И наслаждался каждым днем своего путешествия.

Чистый журналист

Другим странам не повезло — у них никогда не будет такого журналиста. А у нас он был.

Александр ФЕДУТА

Я помню его совсем молодым: двадцать два года назад его, начинающего телеведущего, привели в кабинет начальника управления общественно-политической информации Администрации президента Беларуси. Мы в 1994 году оба были романтиками, и мне казалось, что вот сейчас, после победы Лукашенко, в Беларуси и начнется расцвет независимых медиа. И главную информационно-аналитическую программу страны должна была делать негосударственная телекомпания «ФіТ», в которой и работал Павел.

Павел не был журналистом — в том смысле, что он не заканчивал журфака. Он был профессиональным банковским аналитиком. Но он настолько естественно держался перед телекамерой и настолько непосредственно задавал любые вопросы, что самые высокопоставленные чиновники отвечали ему абсолютно откровенно.

Естественно, мы продержались недолго: я ушел в отставку через пять месяцев, а еще через пять закрыли и его программу «Проспект».

Потом мы встретились в «Белорусской деловой газете», владелец которой назначил его редактором. И здесь проявилось еще одно качество Павла Григорьевича: он умел просто писать о сложных вещах. Он умел объяснить, как на нашу жизнь влияют самые невероятные решения правительства и президента. И при нем «БДГ» стала главной оппозиционной газетой страны. Не потому, что Шеремета тянуло в политику — просто потому, что он честно писал о том, что происходило. А писать правду в те времена и значило — быть оппозиционером.

Потом его пригласили работать в корреспондентском пункте ОРТ. И эта часть его жизни проходила уже на глазах у российских телезрителей. Вплоть до ареста, знаменитого «освободительного» вояжа в Минск Бориса Березовского и Ксении Пономаревой, медвежьего рыка Ельцина: «Пусть он (Лукашенко) сначала Шеремета выпустит!» И когда выпустили, совсем уже надолго — работа в России и российское гражданство. Тут мне писать уже не о чем. Это вы сами можете мне рассказать. И о дружбе с Борисом Немцовым, и о работе в «Огоньке», и о его документальных фильмах.

Его ранняя седина не сочеталась с его улыбкой. Улыбка осталась та, прежняя, двадцатидвухлетнего мальчишки. А седина была человека, видевшего жизнь и знающего ей цену.

Эту цену он заплатил за право оставаться самим собой. Оставаться профессионалом.

В Беларуси еще помнят лозунг «Шеремета в президенты, президента в Шереметы!». Рейтинг Павла тогда так зашкаливал, что, будь президентские выборы завтра, его и впрямь могли бы выбрать. Но он не собирался идти в политику. Он был азартен, он писал о политике, снимал фильмы о политике, но оставался при этом чистым журналистом.

Я понимаю, что употребляю словосочетание «чистая журналистика» в ситуации, когда наша профессия скомпрометирована, когда говорить о себе «я — журналист!» с гордостью практически невозможно. Но Шеремет действительно гордился своей профессией. Он никогда не превращал свою работу в канал для трансляции компромата — но при этом каждый его собеседник твердо знал: все, им сказанное, может быть использовано в статье или передаче, если ты не предупредил Павла, что эта информация носит конфиденциальный характер. Он обещал не указывать источник — и держал слово. Это было понятно уже тогда,

в 1994 году. Помню, как я знакомил его с нашим белорусским «нефтяным» вице-премьером Валерием Кокоревым:

— Этому журналисту можно верить.

С тех пор прошло много лет, а Павлу Григорьевичу Шеремету все равно можно было верить.

«Ежедневный журнал»

Знаете, а еще он очень хотел получить ТЭФИ. И был выдвинут в номинации «Лучший репортер» в 1999 году. Потом рассказывал нам в Минске: «И вот они говорят: лучшим репортером года стал Павел… И я на секунду успел подумать, что ТЭФИ моя. Но они продолжили: …Лобков. Но я еще все получу!»

Конечно, теперь он станет посмертным лауреатом всех журналистских премий. Вскоре, не сомневаюсь, появится и премия Павла Шеремета. Только уже без самого Павла. Ее будут получать талантливые и отважные мальчики и девочки. И эта премия будет куда круче превратившейся в траченный молью мешок ТЭФИ.

Павлу вообще везло. В профессии и в жизни он был везунчиком: у него получалось все, за что бы ни взялся. У него был лучший оператор, лучшие сюжеты, лучшие темы, лучшие друзья и близкие. И, как бы цинично ни звучало, его близким повезло в том, что Павла убили не в Минске, а в Киеве. Потому что если бы его убили в Минске, убийц бы никто не искал, потому что нельзя искать того, кто отдал приказ. А в Киеве есть надежда, что убийц найдут и накажут.

В Киеве Павел в третий раз начал с нуля и в третьей по счету стране с легкостью стал уважаемым и узнаваемым. Никто не сомневался, что завтра он может оказаться в Грузии, послезавтра — в Никарагуа или где-нибудь еще, где интересно и опасно работать. Но четвертого раза не будет. Другим странам не повезло — у них никогда не будет такого журналиста. А у нас он был.

«Новая газета»

Николай ХАЛЕЗИН, Фейсбук

Паша ушел. Этот взрыв машины оглушил всех тех, кто знал его, кто с ним дружил. Подбирать слова сложно. Воспоминания накрывают с головой и позволяют лишь набирать воздух, но не полноценно дышать.

Мы с Пашей дружили 21 год, переживая разные этапы взаимоотношений: от регулярных встреч, застолий и совместной работы до «пятилетки молчания», когда не общались совсем, отброшенные друг от друга политическими разногласиями. Конфликт прекратился очень по-взрослому, когда после смерти моего папы Паша написал: «Скорблю всем сердцем. Я с тобой». Я был ему благодарен — за то, что мы смогли выбраться из зоны конфликта через понимание чего-то главного, несиюминутного, на самом деле важного для нас обоих.

1996 год. Парламентский кризис. Мы сидим в пресс-центре Верховного Совета, вымотанные бессонными ночами, бесконечным объемом работы и подкатившей апатией к происходящему из-за бездарных действий политиков. Съемочные группы ОРТ, НТВ, РТР выдают по пять сюжетов за день. В пресс-центр входит Паша, садится на стул и в сердцах говорит: «Я устал напрягать революционную ситуацию интонацией».

1997 год. Съемочная группа ОРТ арестована, мы занимаемся подготовкой акций в защиту

Катерина ГОРДЕЕВА,
спецкор «Медузы»

Самое главное про Пашу — это его широченная улыбка. И хохот. Шеремет умел смеяться так громко, так беззаботно и заразительно, как, кажется, умеют смеяться только дети и те редкие взрослые, чья совесть чиста.

«Как ты, Паш?» — спросили мы с ребятами Шеремета почти сразу после того, как он ушел с Первого канала в 2008 году. «Как сбитый летчик. Но совершенно счастливый: больше не нужно затыкать себе рот потому, что боишься не получить зарплату», — говорил он, улыбаясь.

Биография Павла Шеремета — это, безусловно, история целого поколения российских журналистов, потерявших работу в силу непреодолимых обстоятельств и верности убеждениям. В отличие от многих Паша умел всякий раз, после каждого болезненного увольнения, возрождаться и с утроенной силой ввязываться в новый проект. И делать свою работу так, как умеют только люди, бесконечно преданные профессии.

Этой самой профессии Павел Шеремет учил молодых людей в российских регионах, привлекал к преподаванию бывших коллег и конкурентов, преодолевая любой скепсис собственной непоколебимой убежденностью в том, что однажды все эти журналистские навыки будут нужны и востребованы: в России и Казахстане, в Беларуси и Украине.

Входить после него в аудиторию было испытанием. Лектор Павел Шеремет был как будто втрое больше, громче и убедительнее большого, громкого и убедительного журналиста Павла Шеремета. Студенты, кажется, готовы были слушать часами только его одного. Свои мастер-классы Паша часто заканчивал словами о том, что «настоящий журналист — тот, который никому не удобен; и никто его не любит». В этот момент всегда казалось, что он говорит про себя.

Людей, равнодушных к Шеремету, и в профессии, и вокруг не было. Кто-то его обожал, кто-то ненавидел. Кто-то видел во всем, что делает Шеремет, корысть; кто-то понимал, что он искренен даже в самых своих глубоких заблуждениях.

Шеремет пришел в журналистику из экономики (его диплом посвящен офшорам, первое место работы — валютный отдел банка) и некоторое время работал экономическим консультантом у белорусских журналистов. Потом втянулся в журналистику: главред газеты, спецкор Общественного российского телевидения. Его взрывной репортаж о том, что между Беларусью и Литвой фактически нет охраняемой границы, стоил ему свободы (три месяца тюрьмы) и депортации. Ни то ни другое Шеремета не сломало. О тюрьме он рассказывал спокойно и без надрыва; вынужденно оставленную родину очень любил и жалел. До последнего дня: лишенный в 2010 году белорусского гражданства (по формальным основаниям — у него был еще и российский паспорт),

журналистов и за их освобождение из тюрьмы. В одну из ночей Пашу внезапно освобождают, мы мчимся к нему домой. Сначала съемка, потом водка. Спустя несколько часов, когда удалось слегка захмелеть, Паша говорит о нашей акции — шествии журналистов в тюремных робах: «Не представляешь, как я пожалел, что не прошел с вами по городу в тюремной робе». Я ответил: «Так ты же в это время и так был в тюремной робе». Паша, слегка задумавшись: «Да, но не в такой красивой — полосатой».

2000 год. Вечером во дворе своего дома и офиса ОРТ долго разговариваем с Димой Завадским. На следующее утро он едет в аэропорт встречать Пашу, его похищают и убивают. Спустя несколько дней я спускаюсь в офис ОРТ, мы сидим с Пашей вдвоем и пьем коньяк. Пьем тупо, не перекидываясь даже словом; каждый погружен в свои мысли. Спустя пару часов говорю: «Пойду». Паша: «Спасибо что зашел, мне сейчас нужно было с кем-то поговорить»…

В последний приезд в Киев нынешней зимой мы не смогли встретиться — наш визит был коротким, а Паша был в отъезде. Переписывались и договорились о том, что осенью, когда прилетим в Украину снова, пойдем с женами в самый лучший киевский ресторан. Но теперь уже, к сожалению, не пойдем.

Прощай, Паша. Светлая память.

«Павел Шеремет был не просто заказан. Он стал сакральной жертвой»

Шеремет писал о том, что происходит в Беларуси, на своем сайте «Белорусский партизан». Он часто так представлялся по телефону: «Привет, это белорусский партизан Павко Шеремет. Есть дело». Всегда казалось, что у этого человека так много энергии и такие большие планы, что любое дело ему по плечу.

В любом его проекте хотелось хотя бы немного поучаствовать еще и потому, что Шеремет — большой журналист главного телеканала страны и Шеремет-безработный, «поддерживающий штаны» фрилансом, были неотличимы — по манере общения, широте улыбки и неистребимой вере в то, что в финальной схватке добро одолеет зло.

Дважды — в Беларуси и в России — лишенный возможности работать по профессии, Паша часто говорил, что чувствует себя хорошо, свободно и безопасно в Киеве, куда вначале приезжал работать «вахтенным методом», а потом перебрался насовсем и даже выучил украинский язык.

«Страна [Украина] изменилась и будет меняться дальше», — написал он в одном из своих последних постов на фейсбуке. Чувствовалось, Шеремет снова очарован и снова на всех парусах несется куда-то в светлое будущее, поверив в молодую украинскую партию «Демократический альянс», работая в украинской газете, на местном радио и телевидении, основав очередную школу журналистики.

В последний раз на публике в России Паша появился в день похорон своего друга, оппозиционного политика Бориса Немцова — он вел панихиду. В эфире канала «Дождь» в тот день показывали последнюю телевизионную работу Шеремета в России — фильм, посвященный 50-летнему юбилею Немцова. В том, что они дружили, не было ничего удивительного: они ведь были действительно похожи.

После убийства Немцова Паша часто говорил, что оборвалась последняя нить, связывавшая его с Россией, с Москвой. Говорил даже, что больше не приедет, — но приезжал все равно. Объяснял: «Не могу приучить себя к мысли, что мне все равно».

Павел Шеремет любил веселые компании, водку и матерные анекдоты. И совершенно по-детски верил, что мир можно изменить к лучшему, если говорить правду.

Он любил Dire Straits.
Любил сладкое, сдобу,
вино — не пить —
а смаковать и расхваливать.
А еще любил в любом
разговоре «заходить»
со своим «Ну хорошо,
это все понятно, и че дальше?»
и потом смотреть прямым
и цепким взглядом, загоняя
в тупик своей откровенностью
и неприкрытым желанием
заставить задуматься.
Ну и его фирменное «епта»
на все случаи жизни…

Мустафа Найем,
«Украинская правда»

Мустафа Найем на прощании с Павлом Шереметом в Минске. Фото Артема Лявы

Паша мог быть колким, умел задевать и провоцировать, и, конечно, мы все с ним часто спорили, ругались — по работе или так, за жизнь. Но я никогда не видел в нем ненависти или желания «добивать». Даже когда эмоции брали вверх, он все равно смеялся, подтрунивал, шутил и рассказывал анекдоты. Провоцируя, подтрунивая, он все равно смеялся без злости.

Для многих он всегда был каким-то «своим человеком». Из того мира, где любят, ругаются, ошибаются, признаются и ненавидят искренне, до конца, в полный рост, но и оставляя место для внутреннего сомнения, сожаления и готовности понимать.

Он был большой. В том смысле, что он не мелочился, не жульничал и не мельчал. И даже когда его задевали, он — фигурально или словесно — все равно улыбался, вслед или в лицо — не важно, но всегда искренне.

А еще он был благородным и щедрым. За два дня я вспомнил, как много сотен раз он был на моей стороне, когда другие не верили.

Он был рядом и поддерживал, когда мы бунтовали и воевали на TVi. Он звонил и чертыхался, что мы медлим с hromadske.tv. Горячился, ругался, но подавал броник, когда уставали на Майдане. Открыто супился и не понимал, когда мы пошли в политику, беззлобно толкая и смеясь: «Ну, давай, уже — идешь? Иди!».

А потом он был единственным, кто приехал в Ужгород, когда я запускал свой первый патруль. И так искренне по-настоящему все описал! Почти по-детски, открыто, пролетая мимо и раздражая своими колкостями и улыбкой.

Я не хочу сейчас — именно сейчас, потому что потом все равно придется — углубляться в миллион версий, кто его заказал и почему именно он. Мы еще не один месяц будем углубляться в мелочи, сомневаться в версиях и перебирать фамилии.

Но важно, чтобы эта история заставила нас посмотреть на все шире, немного обще и целостно. Не имеет значения, кто и как это сделал. Важно, что убийцы знали, понимали и предполагали все то же, что понимаем и все мы, вместе с тысячами «аналитиков» из соцсетей и десятками следователей.

Надо быть наивным, думая, что параллели с Георгием Гонгадзе и «Украинской правдой» приходят на ум только «глубоким аналитикам» из соцсетей и следователям из ГПУ, СБУ и Нацполиции. Нет. Убийцы тоже это понимали. И очевидно, просчитывали все возможные последствия такого публичного и демонстративного, нет, не убийства, а казни.

Павел Шеремет был не просто заказан. Он стал сакральной жертвой.

Ведь убивать можно по-разному — тихо, коварно, без особого ажиотажа и привлечения внимания к самому процессу. Если бы цель была просто убить, это бы не обставлялось так неприкрыто, цинично и с такой театральностью — в центре города, на перекрестке, управляемым (!) взрывом, а не выстрелом, к примеру. Да еще и так, чтобы ни у кого не было сомнений, что это не просто убийство, а убийство политическое.

Павла Шеремета выбрали не потому что он, а для нас всех, показательно и открыто. Чтобы испугать и расколоть. И давайте честно — оглянитесь вокруг, во многом им это удается.

Уверен, многим в эти дни не раз хотелось уехать, потеряться, переехать на другую планету и вообще забыть весь этот кошмар. Кто-то закрылся, кому-то стало труднее радоваться, кому-то просто свободно ходить по улицам и заводить машину, а многие озлобились и, брызгая желчью, начали поиск наиболее удобной груши где-то поближе, рядом с собой.

Но такую ли страну мы хотели построить, когда все начинали? В таком ли мире мы

хотели жить еще совсем недавно, когда шли с открытым забралом?

Нет.

Нас в этот тупик загоняют сознательно, искусственно заражая животным страхом, недоверием и легко управляемой злостью. Это война против нас всех — нашей способности свободно дышать, думать, чувствовать, говорить и принимать решения исходя из логики жизни, а не страха быть убитыми, взорванными и покалеченными.

И пусть это прозвучит цинично, на самом деле не важно, кто, как и откуда спланировал и совершил это убийство. Важно, что этот взрыв был направлен против той страны, которую мы все хотели построить, когда было не так страшно — открытой, свободной, уверенной и улыбающейся.

Я не верю, что это было выгодно власти. Давайте честно: входить в такой неуправляемый кризис могут либо сумасшедшие, либо те, кому нечего терять. Никого подобного в нашей иерархии я не вижу.

Убийство Павла Шеремета, как и десятки других актов демонстративного насилия, беспредела, безнаказанной коррупции и мародерства, — это атака на нашу с вами страну. Не страну Порошенко, Авакова, Гройсмана и Парубия и т. п. А нашу общую страну — нас всех, по обе стороны баррикад общественной лестницы. Это не пафос и не метафора. Это медицинский факт.

Потому что (так получилось, черт возьми!) мы все сейчас в одной лодке. И бежать из нее некуда, другой планеты нет. Как и нет другого выхода, кроме как продолжать жить.

Но прожить эту жизнь мы можем в страхе, ненависти, подозрении и недоверии друг к другу. А можем — смело, открыто, с готовностью защищать свою мечту и, когда надо — сцепив зубы, сквозь боль, не поддаваясь тем, кто нами пренебрегает и ненавидит и ни за что не опуская рук.

Но главное — искренне и улыбаясь, вопреки всему. Как Паша, который очень любил Brothers In Arms, сдобу, сладкое…

…и часто по поводу и без повода кричать «Епта, прорвемся!»

ХТО

Думаю, жыцьцё і сьмерць Паўла Шарамета будуць прыцягваць да сябе ўвагу публікі яшчэ вельмі доўга, даўжэй за нашае з вамі чалавечае вымярэнне.

Пасля весткі пра забойства Паўла Шарамета мы паспрачаліся.

Сяброўку абурыла тое, што інтэрнэт зараз жа запаланілі ўспаміны ў стылі «пра мёртвых толькі добрае» і пажаданьні «спі спакойна, дарагі таварыш». «Якое “спі спакойна”! Чалавека брутальна забілі проста ў палёце, у росквіце сіл, у 45 гадоў, — казала сяброўка. — Трэба шукаць забойцаў, а не ліць патаку!»

Шукаць забойцаў трэба. Толькі адэкватнага адказу на пытаньне «хто забіў Шарамета?» няма, не будзе і быць не можа. Такога адказу, які б не толькі дазволіў учыніць адэкватнае пакаранне, але і стаў для грамадскай думкі трыумфам справядлівасці і сатысфакцыяй.

Практыка апошніх дзесяцігоддзяў у нашых краях паказвае, што калі і называюць вінаватага, пытанне «хто?» застаецца. Так было з нашымі зніклымі, з Нябеснай сотняй на Майдане, з малазійскім боінгам, з Нямцовым і многімі да яго. Вось у чым самая галоўная

забіў Шарамета???

Сяргей ДУБАВЕЦ,
«Радыё Свабода»

праблема — найбольш рэзанансныя забойствы, да расследавання якіх падключаюцца найбольш магутныя сілы дзяржавы і замежжа, амаль заўжды сканчаюцца шматкроп'ем і многімі версіямі, а не простай логікай злачынства і пакарання. Чаму?

Класічны прыклад такога алагізму — забойства Джона Кенэдзі, мала што амэрыканскага прэзыдэнта, дык яшчэ і ўлюбёнца публікі, чалавека-надзеі і яшчэ шмат падобных максімальных адзнак. На вачах соцен людзей яго нібыта застрэліў рабочы мінскага радыёзавода Лі Гарві Освальд. Працавала салідная Камісія Уорэна, напісана мноства кніг, знята шмат фільмаў, але ў сур'ёзных энцыклапедыях Освальд так і застаўся «меркаваным» забойцам Кенэдзі. Многія так і не паверылі, і не вераць.

Тут я мушу сказаць пра розныя жанры, праз якія, нібы праз розныя акуляры, мы ўспрымаем рэчаіснасьць. Але спачатку колькі словаў пра вайну.

Вайна — яўная, гібрыдная ці нябачная — звычайна не называе забойцаў. Пра героя кажуць — загінуў ад выбуху, а хто той выбух учыніў, застаецца за дужкамі. Вайна і ёсць вайна. У яўным баі салдат гіне «ад немцаў» ці «ад нашых», але звычайна без канкрэтыкі, і грамадскай думцы гэтага дастаткова. У гібрыднай вайне гэта можа быць пэўная сіла, скажам, палітычная ці вайсковая — але пэўную сілу на лаву падсудных ніхто не пасадзіць. У нябачнай вайне ўвогуле выказваюцца дапушчэнні пра замоўцаў. Але ўсе разумеюць, што галоўная віна кладзецца на ўладу, пры якой такое магчымае. Улада зацікаўленая назваць забойцу — якога-небудзь Пупкіна, але што і каму гэта тлумачыць? Ну даведаемся мы заўтра, што выбухоўку Шарамету падклаў Пупкін, які атрымае за гэта пажыццёвую турму. І што? Незадаволеныя такім вынікам справы будуць множыць версіі і гэта ўжо працэс на ўсю пэрспэктыву нашага і пасля нашага існавання.

На маю думку, простая логіка злачынства і пакарання ў справе забойства Шарамета адсутнічае з той самай прычыны, што і ў справе забойства Кенэдзі. Не здзіўлюся, калі арыштуюць умоўнага Пупкіна і ён будзе падобны да Освальда — гэтаксама, як Шарамет падобны да Кенэдзі.

І тут самы час пагаварыць пра жанры, пра тое, што абодва забітыя былі героямі. Герой не фігуруе ў крымінальным кодэксе, ён фігуруе ў мастацкай літаратуры. Наяўнасьць героя ўсю сітуацыю забойства ператварае ў літаратурны сюжэт, ад якога чытач чакае зусім іншай логікі, чым ад судовага працэса пра звычайнае забойства звычайнага грамадзяніна. Праўда факта ў полі мастацкай літаратуры не запатрабаваная, нават шкодная, бо разбурае стыль і вобразнасьць. Тут іншыя законы — усім кіруе праўдападабенства і толькі яно можа даць грамадскай думцы адчуванне трыумфу справядлівасці і сатысфакцыі.

Гучыць гэты закон пафасна, але проста: героі не паміраюць. І якраз сваімі думкамі пра Шарамета, а будуць яшчэ і кнігі, і фільмы, людзі быццам праводзяць ініцыяцыю, калі герой нараджаецца для новага жыцця, але ўжо ў новым жанры. Думаю, жыццё і смерць Паўла Шарамета будуць прыцягваць да сябе ўвагу публікі яшчэ вельмі доўга, даўжэй за нашае з вамі чалавечае вымярэньне. А пытанне «хто?» застанецца неадказаным.

Журналісцкія арганізацыі свету

АБСЕ, Міжнародная і Еўрапейская федэрацыі журналістаў, Камітэт абароны журналістаў, Інстытут свабоды прэсы, Freedom House адрэагавалі на трагічную гібель нашага калегі ва Украіне.

Прадстаўнік АБСЕ па свабодзе СМІ Дуня Міятавіч асудзіла забойства Паўла Шарамета. «Гэтае забойства і яго абставіны павінны быць аператыўна і старанна расследаваныя, а вінаватыя — прыцягнутыя да адказнасці, — гаворыцца ў заяве Міятавіч, апублікаванай на сайце АБСЕ 20 ліпеня. — Мы згубілі выбітнага і адданага журналіста. Мае шчырыя спачуванні сям'і Шарамета, сябрам і калегам».

Прадстаўніца АБСЕ нагадала, што ў 2002 годзе Шарамет стаў лаўрэатам прэміі Арганізацыі па бяспецы і супрацоўніцтве ў Еўропе за дасягненні ў галіне журналістыкі і дэмакратыі, за працу ў Беларусі. «Агідны інцыдэнт… нагадвае нам усім, што сітуацыя з бяспекай журналістаў ва Украіне павінна быць вырашана эфектыўна і своечасова», — падкрэсліла Міятавіч. Яна нагадала пра забойства ўкраінскага журналіста Георгія Гангадзэ ў 2001 годзе і паўтарыла свой заклік правесці ўсебаковае расследаванне гэтага злачынства.

Кіраўнік Камітэта Парламенцкай асамблеі АБСЕ па правах чалавека Ігнацыя Санчэс Амор асудзіў забойства Паўла Шарамета і заклікаў правесці хуткае і вычарпальнае расследаванне. «Мае найглыбейшыя спачуванні ўсім, хто любіў Паўла і працаваў з ім, хто згубіў смелага і паважанага журналіста. Праз усю сваю кар'еру Павел Шарамет дэманстраваў дастойную захаплення мужнасць у сваёй незалежнай і надзейнай рэпарцёрскай працы і паказваў, наколькі неацэнная роля журналіста ў абароне правоў чалавека», — цытуе спадара Амора сайт АБСЕ.

Камітэт абароны журналістаў (CPJ): «У 1998 годзе мы прысудзілі Паўлу Шарамету міжнародную ўзнагароду за свабоду слова як прызнанне яго адвагі, паслядоўнасці і адданасці самым высокім ідэалам журналістыкі, — заявіў выканаўчы дырэктар Камітэта **Джоэль Саймон**. — Ён падтрымліваў стандарты гадамі, нават калі навучаў і натхняў генерацыі журналсітаў ва Украіне. Яго забойцам нельга дазволіць пазбегнуць пакарання за гэтае жудаснае злачынства».

І дадаў: «У верасні 2000 года быў скрадзены і абезгалоўлены тагачасны рэдактар "Украінскай праўды" Георгій Гангадзэ. Расследаванне гэтага забойства ва Украіне, як паказаў яго аналіз, праведзены Камітэтам абароны журналістаў, пакідае сумневы ў шчырасці следства. Камітэт адзначае, што прэзідэнт Украіны Пётр Парашэнка даручыў расследаванне высокім чыноўнікам дзяржаўных органаў і заклікаў прыцягнуць міжнародных спецыялістаў».

пра забойства Паўла Шарамета

Міжнародная федэрацыя журналістаў і Еўрапейская федэрацыя журналістаў асудзілі забойства Паўла Шарамета.

«Гэта агіднае забойства. Улады павінны хутка дзейнічаць і эфектыўна прыцягнуць да адказнасці забойцаў. Не павінна быць больш беспакаранасці за забойствы журналістаў. Нашы думкі — з сям'ёй і сябрамі Паўла і з усімі журналістамі ў рэгіёне. Мы зробім усё магчымае, каб прасачыць, што гэтае бязлітаснае злачынства не прайшло без пакарання», — кажа Прэзідэнт МФЖ **Філіп Леру**.

«Павел Шарамет быў лаўрэатам журналісцкіх прэмій, змагаром за свабоду медыя. Яго забойства нагадвае нам пра тое, што бяспека журналістаў ва Украіне з'яўляецца сур'ёзнай праблемай. Мы заклікаем улады Украіны гарантаваць свабоду выказвання і свабоду прэсы ў краіне», — кажа **Могенс Бліхер-Б'ерэгард**, прэзідэнт ЕФЖ.

Інстытут свабоды прэсы: «Мы засмучаныя навінай пра трагічную гібель спадара Шарамета і заклікаем улады не проста правесці поўнае і хуткае расследаванне, але і забяспечыць яго празрыстасць».

«У апошнія дзесяцігоддзі зашмат забойстваў журналістаў ва Украіне засталіся дагэтуль нерасследаванымі і беспакаранымі. Ці будуць асуджаныя забойцы Шарамета, ці яны застануцца беспакаранымі за гэта жудаснае дзеянне — важны тэст для Украіны ў эпоху пасля Януковіча», — кажа дырэктар секцыі інфармацыйнай падтрымкі і камунікацый IPI **Стывен М. Эліс**.

Freedom House: «Забойства Паўла Шарамета, вядомага журналіста ў Беларусі, Расіі і Украіне, павінна быць расследавана старанна і як мага хутчэй, каб паказаць наноў задэклараванае абавязацельства ўрада Украіны абараняць свабоду прэсы», — заяўляе **Роберт Герман**, віцэ-прэзідэнт праграм дапамогі ў надзвычайных сітуацыях і шматбаковай прапагандысцкай дзейнасці. — Выкарыстанне замініраванага аўтамабіля з'яўляецца страшным доказам таго, што Шарамет і свабода прэсы, верагодна, былі не выпадковымі мішэнямі».

Паводле прэс-службы ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

Один день с TELE TOP

Расскажу о том, как небольшие швейцарские телекомпании берут у государства деньги, а потом их отрабатывают. Но остаются при этом по-настоящему независимыми и сохраняют собственную редакционную политику.

Марина БЕЛЯЦКАЯ

Недавно случился разговор с человеком, которого я знаю, пожалуй, лет 20. Я думала, что уж ему-то не надо ничего объяснять про то, что журналист — это не чей-то карманный «писака», а тот, кто пришел со стороны: увидел, расспросил, разобрался, написал. Причем мой собеседник был не просто знакомым, а, я бы даже сказала, единомышленником. И потому его позиция меня до невозможности удивила.

Разговор по дороге в горы

Это было в Швейцарии месяца два назад. Настроение — соответствующее, почти туристическое. Утро, вокруг красота и никакой политики.

Едем: я, телеоператор, коллега Александр Томкович и еще одно лицо — наше бывшее, сейчас живущее в Европе. Это «лицо» и есть тот самый единомышленник, из-за которого все произошло.

Пастор Андреас Гёрлих

«Лицо» сидит рядом с водителем и само себе говорит:

— Надо бы журналистам понимать, что раз они общаются с той или иной структурой, дружат, разделяют взгляды, они и должны писать (снимать, говорить) в интересах именно этой структуры, в интересах той политической силы, которая им по душе, особенно если та против власти.

Я не хочу сейчас раскрывать, о каких структурах шла речь и что это было за «лицо», про такое говорившее, поскольку важна сама постановка вопроса. Так вот, было сказано без тени сомнения и даже назидательно:

— Это обязанность журналиста — блюсти интересы той или иной стороны.

— Ну… вообще-то никакие интересы мы не должны блюсти, — не согласились мы с Томковичем.

— Нет! Вы должны понимать, чьи интересы отстаивать.

— Это пусть отстаивают работники партийной прессы! — сказал Томкович.

— Даже если у нас самих и есть какие-то пристрастия политические, мы не можем их выносить на полосу или экран, — возмутилась я. — И уж тем более не должны флагами махать!

— Нет, должны!

— Нет, не должны!

…В общем, едва мы с нашим «лицом» не поссорились.

Сидящий за рулем машины пастор Андреас Гёрлих (это он пригласил нас всех в Швейцарию) плохо, но все же понимал по-русски. Похоже, он был согласен скорее с «лицом», чем со мной и Томковичем. Но в спор не вступал. Он притормозил на перекрестке и предложил: «Хотите, я познакомлю вас с нашими региональными журналистами? Можете с ними поговорить и решить свой спор».

Мы согласились.

Гёрлих куда-то позвонил, ему сказали «гут», и он свернул на незнакомое шоссе.

Город Винтертур

Сначала мы подъехали к какому-то зданию, где в большом зале сидело человек 300. На сцене — президиум, за трибуной выступает человек. Перед всей этой аудиторией развернут план навигации речного транспорта. Обсуждали очень важный вопрос: почему речной транспорт раньше был суперрентабельным, а нынче терпит огромные потери? Кто

виноват в убытках и неправильном ведении дел, неверном распределении средств города и налогоплательщиков? Главной же целью было не наказание виновных, а поиск выхода из положения, все хотели понять: что такого негативного за год произошло и что с этим всем делать.

Пока какие-то люди с трибуны оправдывались, специалисты, чиновники и горожане слушали (сюда мог прийти любой, чтобы задать вопрос). Местное же телевидение с двух камер снимало происходящее в режиме нон-стоп.

Как только мы появились, к Гёрлиху подошла девушка, которую звали Николь Цинтцше. Андреас указал ей на нас, она тут же приветливо пожала нам руки, представилась видеожурналисткой регионального телевидения и отвела одного из своих операторов в боковой коридор, где было потише. Тут же появился еще один молодой человек — репортер Даниэль Фернандес, державший в руках листок с вопросами.

Николь Цинтцше

Нас попросили дать интервью для выпуска новостей. Вопросы были связаны с нашей профессиональной деятельностью: как и что мы делаем, про что у нас пишут в газетах и есть ли запретные темы. Мы слегка опешили, так как выступать на телекамеру не собирались. Но рассказали все как есть, со своими комментариями и соответствующим настроением. …Ну, какая у нас профессиональная деятельность? И какой в связи с ней может быть настрой, когда на нашем убогом рынке СМИ в 2015 году, накануне президентских выборов, было тихо-тихо. А теперь вот в 2016-м, накануне парламентских, никто (традиционно) хорошенько не представил людей, метящих в кандидаты. Вот кто, скажите, заинтересовался и в деталях показал претендентов, которые пройдут (или не пройдут) в парламент через каких-то пару месяцев? Как это объяснить в Швейцарии журналистам, которые снимают нон-стоп четырхчасовые подробные отчеты местных начальников о том, чем те занимались в течение года в отдельно взятом речном порту?

Еще мы рассказали репортеру с листком про ситуацию с фрилансерами и про то, как избежать нашему журналисту неприятностей (в теории). Я хотела поведать, что бывает у нас с фрилансерами на практике. Но до этого дело не дошло. Мы неосмотрительно рассказали случай про штраф за «правильный союз писателей», когда от Томковича потребовали опровержения этих слов (это вроде как получилось оскорбление).

Даниэль Фернандес сильно удивился:

— А как вы опровергали слова «правильный союз»? Написали, что он на самом деле неправильный?

Мы долго через переводчика объясняли, кто такие у нас правильные-неправильные, «чэсныя»-«нячэсныя» — литераторы, журналисты и т. д. Мне показалось, у швейцарского репортера от всего этого в голове шестеренки так завертелись, что пришлось сократить свою речь и освободить парня от подробностей нашей работы.

На TELE TOP

Это небольшая региональная телекомпания. Она имеет несколько роскошных по оснащению и оформлению помещений в Винтертуре. Журналисты работают на аудиторию трех немецкоговорящих кантонов: Цюрих, Тургау, Шаффхаузен и региона Виль. Ежедневно в 18.00 там выходит 20-минутный новостной журнал «TOP NEWS», куда в тот день попали мнения людей, обеспокоенных состоянием речного транспорта, и мы, белорусские журналисты.

Посмотрев, какие получились сюжеты про нас и про речников (что именно выбрано для эфира из всего, что было наговорено и нами, и гражданами, дискутирующими про убытки местной навигации), мы пожали плечами.

Но потом лично я, подумав, пришла к выводу, что как раз вот так вот — и надо. Говорить можно что и сколько угодно, а показывать надо то, что репортер реально видит. А увидел он нас и выяснил, какой у нас стаж работы, что мы тут делаем. И еще из моего витиеватого выступления было выбрана фраза о том, что я скучаю по 90-м, когда люди у нас стремились читать газеты и не боялись давать интервью, и это подтверждается невероятным в те годы бумом в сфере СМИ.

С речными проблемами репортеры «TOP NEWS» обошлись еще проще: рассказали, что именно беспокоит народ и муниципальных начальников, какой именно недобор средств и сколько денег дали из городского бюджета на то, чтобы… квалифицированно

> ***Мы не можем свои или чьи-то симпатии переносить на экран! Деньги, которые мы получаем на телекомпанию, никак не связаны с темами, которые мы выбираем. Мы можем говорить обо всем. Но обязаны помнить, что наша работа прежде всего информировать, а не настраивать.***

разобраться с убытками. (Выделили на это, кстати, более 10 тысяч швейцарских франков, то есть почти 10 тысяч евро!) Остальное из отснятого в зале, журналисты оставили «под паром» как материал для обсуждения на предстоящих ток-шоу.

На TELE TOP, пока готовились к эфиру эти сюжеты, нас пригласили в комнату для гостей, чтобы выпить кофе и поговорить.

— Мы — маленькая региональная телестанция и потому рассказываем лишь о том, что произошло в нашем ареале с минувшего по сегодняшний день. Наша аудитория — это в основном три города, — Николь знакомит нас с работой студии. — Примерно 6 сообщений по 2 минуты, а также сюжеты редакция готовит «с колес». Вот мы с вами познакомились, и нам стало интересно. Ведь вы приехали из такой страны! И вы люди опытные — у вас стаж.

— А это кому-то надо, про нас и наш стаж? — скептически поинтересовалась я.

— Стаж важен для уровня доверия. А вообще, конечно, в любом случае вы — новость. Наши местные новости — программа очень рейтинговая, столь же популярная, как кулинарное и политическое ток-шоу. Все, о чем мы рассказываем, людям интересно.

— Политические ток-шоу у вас о чем бывают?

— Мы берем разные темы, если есть повод. Недавно обсуждали предстоящий референдум.

Стефано Больманн

Референдум в Швейцарии

Плебисцит был назначен на 5 июня. А наш разговор происходил в конце мая. То есть обсуждение вопросов, вынесенных в народ, было в тот момент на самом пике.

Обсуждался вопрос о «безусловном основном доходе». Еще в тройке «народных инициатив» был вопрос о декоммерциализации основных видов услуг для публичных сервисов — почты, железных дорог, государственной телекоммуникационной компании Swisscom. Тем не менее большинство страстей крутились именно вокруг одной из самых ярких популистских идей последних лет.

Населению предлагали выбрать «за» или «против» выплат всем желающим в 2500 франков в месяц (и 625 франков на каждого ребенка). Работаешь ты или нет, дворник ты или еще кто-то — меньше этой суммы тебе платить не будут, если ты скажешь «да». Прагматизм граждан Швейцарии в этом вопросе оказался удивительно трезвым. И молодые сотрудники телестудии нас уверили, что страна крайне осторожна во всем, что касается таких «заманчивых» предложений. Очень хочется получать 2500 плюс 625, умноженных на количество детей. Да еще по конституции, гарантированно. Но что за этим последует?..

Репортеры телекомпании по этой теме дали высказаться всем. И герои ток-шоу обсуждаемый «безусловный основной доход» называли то «народной инициативой», то «происками бездельников». Ведь для того чтобы вынести любой вопрос на референдум, достаточно создать инициативную группу граждан и собрать более 100 тысяч голосов. Люди, демонстративно не работающие или прибывшие когда-то в страну как беженцы, вполне могут насобирать такое количество подписей. И потом наводнить Швейцарию… разными родственниками, которые тут же востребуют эти 2500 франков и кучу денег на детей. Я посмотрела обсуждение темы в эфире и удивилась: в эфир не попали резкие высказывания, хотя ведущий в душе думал именно так, как написано выше (это он возмущенно рассказывал нам о мигрантах и возможных последствиях). Но в кадре журналист был весел и непосредствен и свою позицию ни разу не проявил, за уши тему ни к каким поворотам не подтягивал и свои намеки на возможных «родственников» оставил при себе. Но при этом тема «бездельников» заметно акцентировалась.

Кстати, что интересно: парламент и федеральный совет Швейцарии рекомендовали гражданам отклонить идею (отказаться от денег), но никто из руководства страны не давил, не возмущался и не выступал с «контрпредложением». Правительство имело право выставить на голосование и свой способ решения заявленной проблемы, но ничего

не выставило. Просто сказало свое мнение и: «Подумайте, прежде чем голосовать».

— Мы приглашаем политиков говорить об этом, но поскольку у нас не такая уж большая широта вещания, то зовем еще и музыкантов, артистов, религиозных деятелей, — охотно объясняла внутреннюю кухню Николь.

Андреас Гёрлих, который пролоббировал наш визит на студию, не раз бывал на таких ток-шоу в качестве приглашенного религиозного деятеля. Он подтвердил прогноз журналистов, что на предстоящем 5 июня референдуме народ Швейцарии, скорее всего, проголосует против «безусловного дохода». Так оно потом и вышло. «За» проголосовали только 23,1% граждан, против — 76,9%. Отказавшись от халявных денег, население продемонстрировало типичную для Швейцарии логику: интересы государства важнее всего.

— …У нас бы такое прошло, у нас популистские темы всегда прекрасно подхватываются, — с грустью сказали мы. Швейцарцы на это вежливо улыбнулись и спросили: «А почему?».

И мы рассказали им о наших референдумах и об их результатах. И о том, как изменилась наша жизнь после этих референдумов. И о том, как мы подтянули пояса после обещанных до выборов в 2010 г. 500-долларовых зарплатах. И о пенсионном возрасте, который у нас вообще поменяли одним голосом с телеэкрана.

— Почему же вы не обсуждали возраст пенсионеров на референдуме? — искренне удивились молодые репортеры. — И какие же теперь у вас пенсии?

— Гм… — ответили мы, потому что все это очень трудно и долго было бы объяснять: ни пенсии не изменились, ни остальное. Да и размер белорусских «подачек» оглашать людям, которые легко отказались от бешеных (для наших реалий) денег, было как-то неловко… Мы им еще про налог на «дармоедов» не рассказали. Вот бы они смеялись.

Уже позже они сами поняли, насколько далеки белорусские чаяния от швейцарских, не говоря уже про доходы и гражданские представления о финансовых приоритетах граждан и государства: кто кому чего должен.

О деньгах

— На какие средства существует ваша студия, раз даже ее молодые сотрудники легко отметают мысль о гарантированных государством доходах? Этот вопрос прилично у вас задавать?

— Нет никаких секретов, — сказал Стефано Больманн, который до этого больше слушал, чем говорил. — Доход составляют реклама и субсидии. Зритель платит определенный налог на телевидение и радио. Деньги распределяются по всей Швейцарии. И мы тоже из этого налога получаем поддержку. Это немного, но достаточно, чтобы делать хорошие программы. В Швейцарии есть большое национальное общественное телевидение. Есть государственное, есть всякое — частное в том числе. Вот мы — частная телестудия. Все наши телекомпании имеют право на поддержку: пишут запросы и получают средства из общественного котла.

— А куда вы пишете свои заявки?

— В правительстве есть отдел, который отвечает за медиа: бумажную прессу, радио и ТВ. Там же есть комиссии — много разных людей, которые анализируют и определяют степень и необходимость поддержки. Государство всегда поддерживает частные региональные студии, так как они работают в интересах общества. Если вы получили такую концессию, то 10–12 лет можете спокойно работать. А потом снова подаете заявку. И снова обосновываете.

— Но если вам помогает государство, вы не можете быть совсем независимыми от него?

— Конечно, — легко согласился Стефано. — Если государство выделило нам деньги, мы получаем от комиссии по СМИ задания. И обязаны выполнить эти поручения, которые получаем в обмен на поддержку.

В этом месте мы с интересом посмотрели на собеседников, потом друг на друга, думая об одном: «Ага! Так вот какие они независимые! Выполняют заказ!» А наш недавний оппонент («лицо») подвел итог:

— Вот видите: так или иначе все работают на кого-то!

Однако очень скоро стало ясно, что задания швейцарской «партии и правительства» не имеют ничего общего с тем, что происходит у нас.

— Есть ли связь между этими вашими «концессиями» и теми вопросами, которые вы обсуждаете на планерках? — спросила я, решив, что сейчас они одумаются, смущенно скажут: «Нет-нет!» — и начнут оправдываться.

— Конечно, связь есть! — вопреки ожиданиям ответил Стефано. — На планерках мы всегда помним, что обязаны охватить в поисках информации географически весь наш регион.

— И обеспечить подготовку обещанного количества программ, — добавил Даниэль, подошедший после завершения работы над сюжетом про нас.

— И это все?

— Ну да. Это очень серьезные требования, и мы их выполняем, — заверили нас репортеры.

— А вот, к примеру, правительство обнародовало свое отношение к референдуму про 2500 франков. Оно же вроде как против.

— Конечно, правительство будет против!

— И вы об этом на планерках тоже помните?

— Нет. Это нас не касается.

— Но тогда, раз вы не обязаны идти на поводу правительства, вы не можете не думать о том, что все-таки такие деньги для кого-то — выгодное предложение. Среди вас же есть люди, которые в душе за то, чтобы государство гарантировало доход на каждого взрослого и даже на каждого ребенка. Кому это помешает: вдруг кто-то из родни за копейки где-то подрабатывает, а тут ему — р-раз! — денежки как будто с неба упали. Ну и сам человек — мало ли что, работу потеряет. Это же гарантированный доход! Логично, если журналист, который готовит ток-шоу на эту тему, в своих программах придерживается какого-то своего мнения. Ну хоть отчасти? Раз ему не надо думать о «генеральной» линии?

— Мы не можем показать никаких симпатий и желаний — ни своих, ни правительства, — сказал Стефано. — Мы ведь обязаны по договору о концессиях быть нейтральными! Нам вообще ни в каких случаях нельзя направо или налево, нельзя показать крен, чтобы, к примеру, в своих интересах настроения формировать!

Даниэль Фернандес

— Но у ваших журналистов ведь есть свое мнение или какие-то политические симпатии?

— Есть. Но это их личное дело. Чтобы симпатии выносить, это надо в другом месте работать. Или в прессе с особой идеологической принадлежностью, о которой все знают. У нас же не политическая, а региональная телестудия! И потому есть очень много инструментов контроля. Мы все программы прежде, чем выйдем в эфир, должны показывать руководству, а оно в свою очередь очень внимательно смотрит за такими вещами. Мы не можем свои или чьи-то симпатии переносить на экран! Деньги, которые мы получаем на телекомпанию, никак не связаны с темами, которые мы выбираем, — мы можем говорить обо всем. Но мы обязаны помнить о том, что наша работа прежде всего информировать, а не настраивать. А на ток-шоу надо показывать ситуацию и настроения со всех сторон.

Секреты медиакухни

Выяснили, что на региональной студии TELE TOP работают всего 30–40 человек, там у каждого теоретически есть специализация: модераторы, которые готовят программы, выпускающие редакторы (по очереди), которые курируют выход программ в течение дня, репортеры и, конечно, технический персонал. Они все называют себя просто — видеожурналисты. Есть несколько опытных телевизионщиков, но в основном коллектив состоит из молодежи. «Из нее лепить легче — под наш стиль и наш темп, — сказали Стефано и Даниэль. — И тенденция ведет к тому, что каждый старается стать универсалом. И каждый хочет помочь друг другу — освоить что-то новое. Потому что «человек-оркестр» всегда более креативен, он умеет все и знает, чего хочет».

— Мне однажды дали в помощь второго репортера, — пожаловался Стефано, — и сюжет получился хуже, чем если бы я его делал один. Мы двигаемся к тому, чтобы каждый делал свой продукт сам. Тогда он не только чувствует ответственность, но и может самостоятельно реализовать свою творческую мысль и получить от этого удовольствие.

— Но разве все ваши молодые репортеры — универсалы? — удивилась я.

Новости с Томковичем на экране

— Да нет, конечно! У нас вообще не работают журналисты, у которых есть опыт или такой стаж, как у вас. — Зато есть молодые, которые пришли сразу после школы, мы таких увлеченных ребят буквально приветствуем: они готовы работать поначалу на любых ролях — из них формировать потом можно универсалов —и под команду, и под программу. Мы очень ценим молодость и даже неопытность — в том плане, что закостенелый профессионал не очень гибко реагирует на потребности времени.

Тут выяснилось, что Даниэль Фернандес, который интервьюировал нас по бумажке, именно такой увлеченный, пришедший на студию буквально с улицы. Кто-то ему сказал, что вроде есть место, он пришел, с ним поговорили, он понравился и почти сразу сел в кадр! А к моменту нашего визита он пробыл на TELE TOP только 2 месяца!

— Неужели это не исключение, а правило — вот так подбирать кандидатов в репортеры?

— Скорее, правило. Если у нас появляется свободное место, — ответил Стефано, — мы даем объявление в газете или кто-то ищет через знакомых — так мы нашли Даниэля. Или вот еще как бывает: мы размещаем в городе большие плакаты, что каждый может претендовать на такое-то место и может попробовать поучаствовать в конкурсе. Приходят любители, и они гораздо чаще превращаются из увлеченных дилетантов в суперпрофессионалов.

***

Потом мы прогулялись по TELE TOP. Везде царил какой-то особый — камерно-корпоративный — дух, где работают весело и кропотливо, где гордятся студиями и своим ремеслом.

Когда мы уже уходили, мне показалось, что такой профессиональный азарт, такое доверие и радость от коллективной работы когда-то были и у нас. И возможно, все это вернется в редакционные коллективы.

Пока я об этом размышляла, Стефано Больманн попытался разобраться в наших проблемах:

— Как долго у вас все останется так как есть?

— Пока не изменится ситуация.

— Тогда и в профессии разница между нами будет расти и станет огромной: вы работаете под большим политическим влиянием, вы несвободны для творчества. У вас нет большого количества частных, самостоятельных маленьких редакций, которые могли бы работать на своей территории ради людей, живущих в этом регионе. Вы, бывает, обижены или злы на власти, потому что не можете делать то, что хотите, за достойные деньги. И потому что имеете политических оппонентов, которые пока несправедливо сильнее вас. А у нас ничего такого нет. Мелочи, кухня, детали профессии — они везде одинаковы. Но вот то, что дает внутренняя свобода и большой рынок СМИ — это команда и творчество. У нас очень хорошая команда, и мы так хорошо понимаем друг друга! Это преимущество небольших коллективов, работающих в небольших регионах небольших стран. И объяснение этому простое: когда люди объединены какой-то общей идеей, пусть даже с разницей в подходах, они закрывают глаза на мелкие, а то и на крупные разногласия, им важнее быть вместе. Но самое главное: у нас есть право на свободное, не ангажированное политическими взглядами мнение. А у вас его нет.

Мы очень ценим молодость и даже неопытность — в том плане, что закостенелый профессионал не очень гибко реагирует на потребности времени.

— Ну, почему? — пошутил Томкович. — Право и у нас есть. Но вот что будет потом? …Поэтому мы реализуем свое право с бо-о-ольшой самоцензурой.

— Чтобы иметь возможность работать дальше? — оживился Стефано. — О! Но это ведь тоже очень креативно?

Даниэль как-то грустно посмотрел на коллегу и его энтузиазма не поддержал.

Был, конечно, соблазн в конце нашего разговора, получив в подарок ручку и фирменную шляпу, да еще с высоты своего стажа (раз он вызывает в Швейцарии такое доверие) выдать что-то на тему «какие мы за столько-то лет стали креативные». Но с языка слетело банальное:

— Вы думаете? …Ну может быть…

На землю опустился вечер, надо было возвращаться в нашу деревню под Цюрихом. Ехали молча — каждый думал о своем.

Кіраўнік Данецкага тэлебачання:

Пасля захопу сепаратыстамі Данецкага тэлецэнтра ўвесну 2014 года абласное тэлебачанне практычна перастала існаваць. Праз колькі месяцаў пэўная частка супрацоўнікаў падалася на створаны сепаратыстамі тэлеканал «Оплот», які вяшчае на тэрыторыю, падкантрольную двум дзяржавам.

Падчас гэтых падзей **Віктар ПІДЛІСНЫ**, журналіст і тэлевізійшчык з вялізным стажам, жыў і працаваў у Кіеве. Разам з іншымі журналістамі ён вырашыў, што ўкраінскае тэлебачанне ў Данецкай вобласці мусіць быць адноўленае, і ўзяўся за справу.

Сёння Віктар кіруе Данецкай рэгіянальнай дырэкцыяй НКТУ. Цяпер жыць даводзіцца ў Кіеве, дзе месціцца эфірная апаратная, у Краматорску, дзе знаходзіцца галоўны офіс, і ў Марыупалі. Тэлеканал мае ўласных карэспандэнтаў нават на захопленай сепаратыстамі тэрыторыі.

З Віктарам Підлісным мы сустрэліся падчас маёй нядаўняй паездкі ва Украіну.

— Чым адрознівалася данецкае тэлебачанне ад іншых украінскіх тэлекампаній да вайны?

— Да 2014 года Данецкае абласное дзяржаўнае тэлебачанне было ў складзе адной з самых магутных рэгіянальных тэлерадыёкампаній Украіны. Тут быў вялізны штат людзей і дастаткова сучаснай апаратуры. Адзінай хібай лічылася тое, што тэлебачанне вяшчала толькі з аднаго перадатчыка ў Данецку. Бо той жа самы Краматорск, у якім мы зараз базуемся, дзяржаўнага тэлебачання і радыё проста не чуў.

Калі да ўлады прыйшлі сепаратысты, адбыўся фізічны захоп тэлерадыёкампаніі. Журналісты падчас нападу выклікалі міліцыю, але яна аказалася без зброі. Сепаратысты прыехалі на джыпах і пачалі страляць у паветра, прымушаючы ўсіх пакінуць будынак. Нікому не дазволілі забраць асабістыя рэчы, не кажучы ўжо пра якую-кольвек тэхніку.

Пазней на базе дзяржаўнай тэлерадыёкампаніі сепаратысты адкрылі свой першы тэлеканал «Оплот». Журналісты данецкага тэлебачання адрэагавалі на гэта неадназначна: частка адразу падтрымала новую ўладу і пачала працаваць на сепаратыстаў, іншыя проста з’ехалі. На сёння каля 80 з 283 супрацоўнікаў былога данецкага тэлебачання працуюць на сепаратысцкім тэлеканале «Оплот ТВ».

— Тады Вы і вырашылі стварыць Данецкую тэлерадыёкампанію наноў?

— У снежні 2014 года Дзяржаўны камітэт па тэлерадыёвяшчанні прыняў рашэнне аб аднаўленні вяшчання. Але гэта было толькі палітычнае рашэнне, практычная ж рэалізацыя вымагала вялікіх высілкаў.

Першапачаткова цэнтрам Данецкай вобласці прызначылі Марыупаль. Гэта вялікі горад з добрымі тэлевізійнымі камунікацыямі, журналісцкімі навучальнымі ўстановамі, таму нам было б прасцей аднаўляць тэлебачанне там. Але пачаўся наступ сепаратыстаў на Марыупаль і вырашана было пераехаць у Краматорск. Краматорск — гэта чыста правінцыйны прамысловы горад, там ёсць некалькі буйных прадпрыемстваў, але духоўнай, творчай інфраструктуры там няма. Таму эфірную апаратную вырашылі арганізаваць у Кіеве, а далей

Мы пераймалі досвед «Белсата»

Барыс ГАРЭЦКІ

сігнал перадаваць на тэрыторыю Данецкай вобласці і распаўсюджваць яго тут.

Дзякуючы партнёрскай дапамозе нам далі ў карыстанне эфірную апаратную, і 27 лютага наш канал ізноў выйшаў у эфір. Мы запусцілі сігнал на пяць лічбавых перадатчыкаў і два аналагавых у вобласці — у Краснаармейску і Марыупалі. Мы адразу пачалі перадаваць бягучым радком паведамленне, што запрашаем да сябе ўсіх былых супрацоўнікаў данецкага тэлерадыё. І недзе да мая ў нас ужо склалася пэўная каманда.

— Як выглядае галоўны офіс Данецкага тэлебачання зараз?

— Наш галоўны офіс сёння знаходзіцца ў Краматорску. Нам вельмі цяжка было знайсці тут хоць які прытулак, бо з-за вайны сюды пераехала вельмі шмат людзей і прадпрыемстваў. Мы адшукалі невялікае памяшканне былой кніжнай крамы, якое і арэндуем.

Эфірная апаратная па-ранейшаму знаходзіцца ў Кіеве. Наш эфір у большасці складаецца з найлепшых матэрыялаў іншых рэгіянальных тэлерадыёкампаній. Гэтым мы вельмі адрозніваемся ад былога данецкага тэлебачання, бо раней вяшчанне тут вялося выключна па-руску і Данбас фактычна быў адрэзаны ад культурнага складніка іншых рэгіёнаў Украіны. Цяпер мы даём магчымасць людзям убачыць не толькі навіны Данецкай вобласці, а наогул імкнёмся паказаць, чым жыве ўся Украіна.

Як вы разумееце, «у спадчыну» мы не атрымалі абсалютна ніякай тэхнікі. Фінансаванне было выдзеленае толькі на заробак супрацоўнікам і распаўсюд сігналу. Усё. Таму людзі працавалі на тым, што мелі самі. Здымалі фотаапаратамі, тэлефонамі. Была адна бытавая камера ў аператара — з такой тэхнікі мы пачалі вяшчанне. Але гэта нас не засмучала, і мы рабілі ўсё магчымае, каб хоць аднекуль атрымаць апаратуру.

У маленькай кніжнай краме немагчыма размясціць усіх супрацоўнікаў, таму мы вырашылі стварыць рэгіянальныя рэдакцыі. Да таго ж адлегласць ад Краматорска да Марыупаля больш за 400 кіламетраў і накіроўваць журналістаў у Марыупаль проста немэтазгодна. Мы пайшлі на супрацоўніцва з усімі мясцовымі тэлевізійшчыкамі, журналістамі, радыйнікамі: Марыупаль, Краснаармейск, Валнаваха, Арцёмаўск, Канстанцінаўка, Славянск… У гэтых гарадах былі створаныя творчыя групы, перад якімі мы ставілі адну задачу — збіраць аператыўную і праўдзівую інфармацыю.

Мы разумелі, што павінны ўсяліць у людзей веру ў дзень сённяшні і дзень заўтрашні. Вайна калісьці скончыцца, а адбудоўваць краіну трэба ўжо зараз. І ўсё гэта мы рабілі з першага дня, незалежна ад таго, было у нас абсталяванне ці не.

— А сепаратысцкі «Оплот» таксама вяшчае на ўкраінскую тэрыторыю?

— З Данецкай народнай рэспублікі вядзецца вяшчанне, што закранае тэрыторыю, якая знаходзіцца пад кантролем Украіны. І гэтае вяшчанне ніхто не глушыць. Магчыма таму, што патрэбны вялікія сродкі, каб стварыць такую сістэму. Таму мы працуем ва ўмовах канкурэнцыі меркаванняў, калі так можна казаць пра агрэсіўную прарасійскую прапаганду. На маю думку, дзяржава павінна была б больш жорстка паставіцца да гэтага пытання. Усё ж ідзе вайна…

Для нас вельмі важна аднаўляць у жыхароў Данецкай вобласці нацыянальную памяць, расказваць ім, што гэта старажытны казацкі край. У нас ёсць шмат этнаграфічных, культуралагічных праграм, якія мы бярэм у калег. Хоць ёсць у нас і экстрэмальныя праекты: напрыклад, расказваем, як працуе паліцыя, пра яе будзённыя справы.

— Якія ТВ-каналы апроч вашага можна глядзець у Данецкай вобласці?

— Найперш, данецкія. Адтуль транслююцца два сепаратысцкіх каналы і ўласна расійскае тэлебачанне. Яны вяшчаюць на захопленай імі тэрыторыі і заходзяць на нашу, мы вяшчаем тут і заходзім да іх. Мы

нават пакрываем Данецк і раён Ілавайска. Апроч гэтага ў Данецкай вобласці працуе шмат прыватных каналаў. Напрыклад, «Украіна» і «Данбас» алігарха Ахметава. Не ведаю, як ахарактарызаваць кантэнт гэтых каналаў. Я б сказаў, што галоўнае для іх — расказаць пра дабрачыннасць і добрыя справы свайго ўласніка.

Яны працуюць у Данецкай вобласці, як і ўсе цэнтральныя тэлеканалы, для якіх галоўнае — знайсці якія-небудзь «смажаныя» тэмы, зрабіць «гарачанькі» рэпартаж пра забойства, яшчэ нешта. На першы погляд, гэта прыцягвае людзей, робіць карцінку. Часам яны паказваюць нават гераізм украінскіх вайскоўцаў, перадавую.

Але я лічу, каб паказаць гераізм, не абавязкова пастаянна знаходзіцца на перадавой. Напрыклад, мне не так цікава будзе паказаць у эфіры які-небудзь эфектны паліцэйскі захоп, як па-сапраўднаму разабрацца, як працуе паліцыя, якія ёсць праблемы са злачыннасцю, якія шляхі вырашэння гэтай праблемы і г. д.

Не трэба думаць, што хтосьці з палітыкаў прыйдзе і усё адразу вырашыць. Кожны сам мусіць прыняць для сябе рашэнне, у якой краіне ён хоча жыць. І паводзіць сябе ў адпаведнасці з гэтым рашэннем.

— Каналы з тэрыторыі ДНР уплываюць на людзей?

— Так, уплываюць і сур'ёзна. На тэрыторыі, якую кантралюе Украіна, таксама ёсць людзі, якія сімпатызуюць сепаратыстам. Наогул вельмі цяжка сказаць, колькі адсоткаў насельніцтва сёння тут падтрымлівае сепаратыстаў, а колькі — украінскі бок. Калі напачатку людзі вельмі моцна давяралі інфармацыі украінскіх СМІ, верылі ў блізкія змены, то зараз усё крыху па-іншаму. Шмат каго палохае Захад. Заходняя культура для іх можа быць нават страшнай, а расійская — вельмі блізкай. Таму праца сепаратысцкіх тэлеканалаў і ўплывае на гледачоў. Але сёння ў людзей ужо няма нейкіх вострых прарасійскіх парываў. Людзі ўжо зразумелі, што такое сепаратызм, як жыве зараз Данецк. Што гэта звычайны элементарны бандытызм.

Трэба сказаць, што нашыя журналісты працуюць і на тэрыторыі ДНР. Зразумела, што яны не з'яўляюцца ў кадры, але дасылаюць нам інфармацыю. Імёны гэтых людзей ведаю толькі я.

— Вернемся да вашага офіса ў Краматорску…

— Мы па-ранейшаму працуем у былым памяшканні кніжнай крамы. Нам не хапае плошчаў, абсталявання, мэблі. Але нашыя супрацоўнікі вельмі актыўна працуюць, таму што яны хочуць працаваць і навучацца. Будзь якія трэнінгі, курсы, лекцыі адносна павышэння кваліфікацыі, там заўсёды ёсць прадстаўнікі нашага тэлебачання.

Заробкі ў нас вельмі невысокія. Таму мы шукаем любыя магчымасці, каб заахвочваць людзей, прэміраваць, спрыяць іх прафесійнаму росту, атрыманню новых ведаў.

— Кіеў глядзіць на вас як на асаблівую тэлекампанію ў сістэме дзяржтэлерадыё?

— Так, наша тэлекампанія пад асаблівым наглядам. Гэта значыць, што нас больш кантралююць і больш за намі сочаць. Але якой-небудзь дадатковай фінансавай дапамогі, на жаль, няма. Хоць я на ўсіх сустрэчах і пасяджэннях заўсёды кажу, што нельга ставіцца да нас, як да звычайнай тэлекампаніі з вялікім штатам і абсталяваннем. Трэба сказаць, што мы вельмі падобныя да спадарожнікавага тэлеканала «Белсат». Мы працуем у падобных складаных умовах, калі канал не мае вялікіх тэрытарыяльных рэдакцый і журналісты павінны знаходзіць уласныя магчымасці для працы.

Адметна, што як толькі мы сталі на ногі, мы адразу ж адправілі найбольш уплывовых людзей нашага тэлеканала ў Варшаву на «Белсат» пераймаць досвед. І зараз нашы журналісты зноў едуць вучыцца ў польскую сталіцу.

— На Данбасе вельмі шмат розных людзей, ёсць нават злачынцы. Чуў, што нядаўна нехта падкінуў гранату да вашага офіса ў Краматорску. Наколькі страшна працаваць у такіх умовах?

— Хто баіцца, той сядзіць і баіцца. А хто ведае, што ёсць небяспека, той мае яе на ўвазе і карэктуе свае паводзіны. Я лічу, трэба быць разумным у кожнай сітуацыі, не трэба лезці на ражон. Я, напрыклад, шэсць гадоў працаваў у Чарнобыльскай зоне, здымаў там матэрыялы. Няма ніводнага забруджанага месца там, дзе б я не пабываў. І што, са мной усё нармальна. Мне так казалі сталкеры, якія хадзілі нават у памяшканні пад рэактарам: усе, хто баяўся, ужо памёр. А хто ведаў, дзе можна прыхавацца і як сябе паводзіць, — з тымі ўсё добра.

Можна ісці ў цэнтры Кіева і атрымаць па галаве вазонам, які незнарок выпаў з вакна. Я лічу так: небяспека ёсць паўсюль. Я нават менш баюся за сваіх людзей, калі яны працуюць на лініі фронту, чым калі яны проста ходзяць на вуліцы і робяць якія-небудзь апытанні. Заўсёды можна натыкнуцца на нейкую правакацыю, трапіць у непрыемную сітуацыю. Трэба быць падрыхтаваным да гэтага.

Аднак хачу сказаць, што тутэйшыя людзі адкрытыя для журналістаў і з задавальненнем дзеляцца сваімі меркаваннямі на любыя балючыя тэмы. Людзі гаварыць не баяцца. Баіцца той, хто баіцца суда. Калі ты ваяваў, супрацоўнічаў з сепаратыстамі, а цяпер спрабуеш схавацца ад правасуддзя — вось такія людзі баяцца. Але я ўпэўнены, што раней ці пазней яны будуць пакараныя.

— Вы верыце, што Данецк будзе вызвалены Украінай?

— Так. Гэта можа адбыцца заўтра ці праз месяц, а магчыма, праз некалькі гадоў.

— Наколькі, на ваш погляд, гэта залежыць ад Еўропы ці ЗША?

— Гэта будзе залежыць ад самой сітуацыі ва Украіне, ад таго, як павядзе сябе ўлада. Наколькі доўга яна будзе працягваць бяздзейнічаць.

— Ад украінскіх калег я чуў меркаванне, што вайна можа быць нават выгаднай камусьці з палітыкаў у Кіеве. На вайну можна спісваць скрадзеныя грошы, кепскую эканамічную сітуацыю…

— Так, я згодны з гэтым. Гэта адбываецца, бо Украіна па-ранейшаму жыве ў сістэме, створанай значна раней за сённяшнюю ўладу. Гэта сістэма не выкараненая. І тут няма аднаго вінаватага. Нават самы разумны і моцны прэзідэнт не можа змяніць такую сістэму.

— А працэс наогул ідзе?

— Так, ідзе. Галоўная праблема для Украіны сёння — карупцыя і беспакаранасць людзей, якія пры ўладзе і пры грашах. Бо без хабару ты нічога не вырашыш. Прыходзіш да чыноўніка — абавязкова мусіш яму нешта даць. І ўсе ў грамадстве нібыта ведаюць, хто злачынцы, называюць іх, але мы не мелі пакуль ніводнай рэзананснай справы, якая б дайшла да суда. Вось пра гэта трэба казаць. І мы кажам… Трэба адзначыць, што зараз у нас ужо нават пачасціліся выпадкі, калі людзі прыходзяць і бяруць за грудкі таго ці іншага пракурора, які не завёў справу па нейкай карупцыйнай схеме. Людзі пасля Майдану ўжо не будуць цярпець, і таму, я думаю, сітуацыя будзе змяняцца.

Ідзе вайна, але хабары ўсё роўна ёсць. Наш аўтобус на мяжы некалькі месяцаў назад украінцы не прапускалі і адкрыта патрабавалі хабар. То бок, адны вайскоўцы паміраюць на вайне, а іншыя адкрыта вымагаюць грошы…

З гэтым трэба змагацца. Змагацца павінен кожны, хто не хоча з такім сутыкацца. Запісваць такія выпадкі на відэа, публікаваць іх у інтэрнэце, пісаць афіцыйныя заявы ў сілавыя органы. Чым хутчэй людзі самі перастануць даваць хабары і паддавацца на правакацыі злачынцаў, тым хутчэй карупцыя знікне. Таму гэта датычыць кожнага чалавека. Не трэба думаць, што хтосьці з палітыкаў прыйдзе і усё адразу вырашыць. Кожны сам мусіць прыняць для сябе рашэнне, у якой краіне ён хоча жыць. І паводзіць сябе ў адпаведнасці з гэтым рашэннем увесь час, а не толькі тады, калі хочацца пакрытыкаваць іншага.

І я ў гэтай справе вельмі спадзяюся на маладое пакаленне ўкраінцаў. Магчыма, яны большыя максімалісты, але і цярпець старую сістэму яны схільныя менш. Нават на Данбасе.

— У Краматорску ўвогуле кіеўскую ўладу падтрымліваюць? Ці большасць насельніцтва ўсё ж сімпатызуе сепаратыстам?

— Адназначна можна сказаць, што Парашэнку на Данбасе не давяраюць. Людзі зараз наогул мала давяраюць палітыкам. Наогул. Таму тут любая ўлада ўспрымаецца варожа. Адны на Данбасе лічаць, што вайна прыйшла з усходу, другія — што з захаду. Але і тыя і другія не любяць Парашэнку. Не як чалавека асабіста, а як асобу, якая сімвалізуе ўладу.

— То бок, на выбарах у Данецкай вобласці Парашэнка прайграе. А хто выйграе?

— У нас ва Украіне зараз развялося вельмі шмат розных аналітыкаў, палітолагаў, экспертаў, якія даюць усякія прагнозы. Гэта надта выгадна: нічога не рабіць і даваць прагнозы. Гаварыць пра тое, чаго ты не ведаеш, — будзе дождж ці не? У нас ва Украіне было шмат выпадкаў, калі на выбарах у Вярхоўную Раду ці яшчэ кудысьці перамагалі людзі, якія проста не маглі перамагчы. Але зараз украінскаму народу так абрыдлі тыя твары, якія мы бачым апошнія дзесяцігоддзі, што па-сапраўднаму нешта прагназаваць абсалютна немагчыма. Можа нават адбыцца так, што людзі ўбачаць у палітыцы кагосьці новага і проста з-за гэтага яго падтрымаюць. Магчыма, гэта будзе хтосьці з тых, хто прайшоў вайну. Хтосьці з тых, што пабывалі ў палоне альбо былі параненыя.

Яны яскрава паказалі, што не баяцца ўзяць адказнасць за лёс дзяржавы нават рызыкуючы ўласным жыццём і здароўем. Няхай яны пакуль не вялікія спецыялісты ў палітыцы, але Валенса ў Польшчы таксама не быў палітычным дзеячам. Такіх прыкладаў у гісторыі вельмі шмат. Калі гэтыя мужныя вайскоўцы вырашаць пайсці ў палітыку, то менавіта ім будзе верыць грамадства.

— А што вы думаеце пра батальён «Азоў»? Часам складаецца ўражанне, што гэта рассаднік неафашыстаў: людзі з наколатай свастыкай на целе…

— Я думаю, што гэта ўсё несур'ёзна. Пра якую фашысцкую сімволіку можна казаць ва Украіне, якая перажыла такі страшэнны генацыд? Я шмат здымаў матэрыялаў пра ўкраінскіх вайскоўцаў і не магу сказаць, што заўважыў шмат неафашыстаў.

Канешне, як кажуць, у сям'і не без урода. Я не спрачаюся з тым, што ў нас таксама часам здараюцца дзікія выпадкі. І на фронце, і наогул у грамадстве. Гэта бяда і гэта з сорамам трэба вызнаць. Былі і тыя, што кралі. І канешне, людзі адразу казалі, што такіх трэба гнаць з фронту. Былі і тыя, што пілі — таксама трэба гнаць. Рознае бывае, але пра неафашыстаў я б казаў у апошнюю чаргу.

Падводныя плыні нецікавых выбараў

Першае, што чуеш, калі гаворка заходзіць пра асвятленне чарговых выбараў: «Дык а пра што пісаць, калі ніякіх выбараў няма?» Я тады згадваю, як яшчэ летась, падчас прэзідэнцкай кампаніі, ладная частка апазіцыйных палітыкаў дзяўбла менавіта тое самае: выбараў няма, ганебна ўдзельнічаць у фарсе, ігнор — наша зброя. Яшчэ і дакаралі журналістаў: нашто пішаце пра гэты танны спектакль, падаяце яго як нешта вартае ўвагі… Давалі дыхту і мне (маўляў, падгульваю рэжыму) за тое, што ў сваіх каментарах даводзіў няслушнасць байкоту (які летась алегарычна назвалі ігнорам).

Чаму прыціхлі байкатысты?

Але во цуд: сёлета многія байкатысты-ігнарысты прыкусілі языкі і займаюцца акурат «удзелам у фарсе» — ці то самі вылучаюцца, ці то становяцца даверанымі асобамі вылучэнцаў сваіх партый. Калі летась у апазіцыі панавалі хаос і апатыя, дык сёлета асноўныя апазіцыйныя структуры спрабуюць хоць трохі скаардынаваць намаганні ў межах чарговай кампаніі, ладзяць адмысловыя нарады, абяцаюць выпрацаваць нейкае супольнае пасланне электарату. Пры тым што сёлета выбары значна меншага калібру: не прэзідэнцкія, а толькі парламенцкія. І дэмакратыі ў краіне не дадалося, хіба што душылаўкі трохі паменела. Чаму ж апаненты рэжыму змянілі рыторыку ды падыходы?

Магчыма, хто-ніхто адчуў, што проста ўжо вычарпаны ліміт наступання на граблі. Варта згадаць, што шэраг апазіцыйных сіл, у прыватнасці Аб’яднаная грамадзянская партыя, хрысціянскія дэмакраты, спрабавалі зладзіць і байкот папярэдніх парламенцкіх выбараў 2012 года. Было нават абвешчана, што байкот перамог і яны не адбыліся — засталося, маўляў, шырока праінфармаваць пра гэта электарат ды міжнародную супольнасць. Аднак тыя заявы не перашкодзілі ўладзе сфармаваць чарговую «стэрыльную Палату». Яшчэ болей — у закон увялі забарону заклікаць да байкоту. А Захад у рэшце рэшт увогуле змяніў пугу на пернік у дачыненнях з афіцыйным Мінскам. У ліку іншага і таму, што дэ-факта перастаў успрымаць апазіцыю як значнага гульца на палітычным полі. Толькі тады, мусіць, да каго-кольвек дайшло: трэба меней апеляваць да Захаду, а болей рупіцца самім. Ніхто не паднясе дэмакратыю на сподачку з блакітнай аблямовачкай, калі не будзеш змагацца тут і цяпер, няхай сабе і ў несправядлівых умовах.

Для журналістаў жа мараль тэ наступнае: калі ў краіне няма сапраўдных выбараў (і сапраўды, у плане іх празрыстасці, умоў для сумленнай канкурэнцыі Беларусі да цывілізаваных стандартаў — як да Месяца), гэта не азначае, што ў краіне няма палітыкі. Проста палітычныя працэсы разгортваюцца ў спецыфічных формах. Прычым працэсы дастаткова напружаныя, драматычныя. Нездарма ж Аляксандр Лукашэнка, у якога нібыта ўсё схоплена, штораз цвердзіць вертыкалі і відавочна не толькі дзеля прыгожага слоўца: выбары — важны экзамен. Так што медыям варта бачыць падводныя плыні ды камяні «нецікавых» айчынных выбараў. Калі казаць канкрэтна пра тую кампанію, што ідзе цяпер, то я вылучыў бы змену настрояў насельніцтва (значны рост недаверу да ўладаў на тле эканамічнага крызісу) і міжнародны аспект передвыбарчай гульні рэжыму.

Запыт на альтэрнатыву

Што да настрояў насельніцтва, то варта ўважліва вывучыць лічбы чэрвеньскага нацыянальнага апытання НІСЭПД. Увогуле тым, хто піша на палітычныя тэмы, і тым болей піша аналітыку, раю

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ

шчыльна працаваць з сацыялогіяй. Гэта, у прыватнасці, дапамагае крытычна ставіцца да лозунгаў, намацваць слабыя месцы ў стратэгіях палітыкаў, партый. Лічбы НІСЭПД, дарэчы, заўжды паказвалі, што лозунг байкоту не знаходзіў моцнага водгуку ў масах. Паслявыбарныя апытанні засведчылі, у прыватнасці, што на парламенцкіх выбарах 2008-га і 2012 года галасавала блізу дзвюх трацін выбарцаў. Цяпер жа ў чэрвені высветлілася, што 51,8% рэспандэнтаў ужо гатовыя галасаваць на выбарах, прызначаных на 11 верасня, 19,6% сказалі, што не будуць галасаваць, а 25% — што яшчэ не вырашылі. Практыка паказвае: асноўная частка тых, хто вагаецца, потым далучаецца да большасці. Такім чынам, яўка і гэтым разам будзе, бадай што, на звычайным узроўні. Што разбівае апазіцыйны міф, нібыта народ перастаў хадзіць на выбары.

«Усім вядома, што ў нас не выбары, а фарс» — гэта яшчэ адна памылковая тэза апазіцыйных лідараў. Паводле НІСЭПД, 38,1% беларусаў чакаюць, што вераснёўскія выбары будуць свабоднымі і справядлівымі, а процілеглага меркавання трымаюцца толькі 36,1%. І гэту прапорцыю, дарэчы, не надта мяняюць шматгадовыя намаганні апанентаў Лукашэнкі пераканаць масу, што выбараў у нас няма, а рэжым нелегітымны. Можна наракаць на наіўнасць ці замбаванасць значнай часткі электарату, але факт ёсць факт. Дык можа, варта скіраваць крэатыў і пафас на іншыя лозунгі?

А вось цікавы парытэт: як за кандыдата — прыхільніка Лукашэнкі, так і за кандыдата, што з'яўляецца праціўнікам прэзідэнта, гатовы прагаласаваць па 26,4% (за іншага кандыдата — 24,5%). І ўжо зусім фенаменальным выглядае ўзлёт рэйтынгу апазіцыйных партый за адзін толькі квартал з 11,3 да 21,3% — амаль што ўдвая! Пры тым што нічога гістарычнага за гэты кароткі перыяд партыі не здзейснілі. Аналітыкі тлумачаць феномен абвостраным запытам незадаволенага эканамічным крызісам насельніцтва на альтэрнатыву. Пытанне, аднак, у тым, наколькі апазіцыя скарыстаецца гэтым запытам.

І тут важнае пытанне, пра што будуць гэтыя выбары. Іначай кажучы — з якімі праграмамі ды лозунгамі звернуцца да электарата кандыдаты. На момант, калі пішуцца гэтыя радкі, ўражанне такое, што далёка не ўсе палітычныя сілы выразна сабе ўяўляюць, пра што і як трэба гаварыць іх вылучэнцам. Вуснамі лідараў старой загартоўкі па інерцыі паўтараюцца заклінанні, што вось мы давядзем усяму свету нелегітымнасць гэтых выбараў. Ну дык жа дваццаць гадоў даводзіце — а толку? Рэжым і ў вус не дзьме. І вось тут самы час, каб журналіст падкінуў пытанне: а ці ёсць нейкі болей свежы месэдж?

Гульні з Захадам

Тут нехта скажа: якія месэджы ні прыдумвай, а прапусціць у Палату толькі сваіх людзей. Ну мо кагосьці з «падстаўной апазіцыі». Дарэчы, іншым разам уражанне такое, што на выкрыванне гэтай «падстаўной апазіцыі» траціцца ці не ўвесь порах «сапраўдных апазіцыянераў» (што тлумачыцца барацьбой за рэсурсы, увагу заходніх гульцоў). Журналістам варта адлюстроўваць гэтую калізію, але недапушчальна самім уцягвацца ў высвятленне, хто сапраўдны змагар, а хто не. Каб зарыентаваць чытача, можна напісаць, хто каму які клеіць ярлык, але не наша справа — займацца наклейваннем ярлыкоў. Адкуль вы ведаеце, хто агент, а хто не? Гэта кантора даведак прэсе не выдае. А калі адкрыюцца архівы спецслужбаў, то, як падказвае досвед шэрагу посткамуністычных краін, нас ці нашых патомкаў можа чакаць багата «открытий чудных», калі той ці іншы палымяны змагар-выкрывальнік сам аказваецца сексотам.

Між тым не факт, што наверсе ўжо на 100% вызначыліся са складам новай Палаты. Бо гэтая кампанія для Лукашэнкі — элемент даволі складанай гульні з Захадам пад дамоклавым мячом Масквы. Прычым і Захад, паставіўшы на лагодны падыход да афіцыйнага Мінска, апынуўся ў двухсэнсоўнай сітуацыі: і ад прынцыпаў адмаўляцца непрыгожа, і не той час, каб перагінаць кій з патрабаваннямі (бо геапалітыка стала важнейшай за дэмакратыю).

У траўні кіраўнік дэлегацыі Еўрапарламента па сувязях з Беларуссю Богдан Здраеўскі, адзначыўшы, што Еўрапарламент цяпер не кантактуе з Палатай прадстаўнікоў, падкрэсліў: «Каб змяніць сітуацыю, неабходна паляпшэнне выбарчага працэсу і месцы для апазіцыі ў парламенце». З іншага боку, амерыканскі дыпламат Скот Роланд (якога пры канцы ягонай місіі у Беларусі прыняў сам прэзідэнт, што само па сабе стала знакам вялікай гульні) на пачатку ліпеня заявіў: нават калі апазіцыянеры не праб'юцца ў парламент, але кампанія засведчыць «пэўны прагрэс» у ажыццяўленні рэкамендацый АБСЕ, то ўжо можна будзе казаць пра «крок наперад».

Недзяржаўная прэса, дасціпна пішучы пра нашы скрыўленыя выбары, параўноўваючы іх з досведам заходніх дэмакратый, будзе спрыяць і палітычнай адукацыі грамадзян.

Што мы ў выніку маем? Калі пан Здраеўскі настойвае на месцах для апазіцыі, то гэта можна трактаваць як торг за мандаты, што не надта добра. Могуць даць адчэпнага: вось вам пара памяркоўных апанентаў улады ў парламенце, — але ж усё адно іх прызначаць (прычым тых, каго можна трымаць на кручку). З іншага боку, калі пан Роланд дае зразумець, што Мінск можа атрымаць залік (па выніках выбараў, між іншым, Амерыка будзе вырашаць лёс сваіх санкцый супраць рэжыму) нават без апазіцыі ў новым складзе Палаты, а толькі за кошт праргрэсу ў працэдурах, то беларускія ўлады з радасцю зоймуцца імітацыяй гэтага прагрэсу.

Зрэшты, кіраўніца ЦВК і так яшчэ да пачатку кампаніі разгарнула рэкламу касметычных навацый працэдурнага кшталту, падаючы іх як гіганцкія крокі ў кірунку празрыстасці выбараў. І журналісту, які аналізуе такія заявы, важна назубок ведаць 30 рэкамендацый АБСЕ па выніках леташняй прэзідэнцкай кампаніі. Тады стане відавочна, што ўлады рэалізуюць толькі пару самых бяскрыўдных парад. Калі ж беларускія чыноўнікі ківаюць на Венецыянскую камісію, то трэба ўдакладніць: яна не раіць, але і не забараняе мяняць выбарчае заканадаўства цягам апошняга года перад выбарамі. Так што ў Мінска была магчымасць гэта зрабіць, але не было жадання.

Не ўлягаць у працэдуру, бачыць сутнасць

Такім чынам, відавочна, што журналісту, які асвятляе выбары, важна добра ведаць матчастку: законы, пастановы Цэнтрвыбаркама, каляндар кампаніі і г. д. Разам з тым досвед асвятлення мінулых электаральных кампаній сведчыць, што нашы медыі надаюць працэдурным пытанням зашмат увагі. Падрабязна пішуць пра этапы, арганізацыйна-тэхнічныя моманты, але мала пра дзейных асоб, іх праграмы, жывыя калізіі. Ці не галоўнымі медыйнымі персонамі становяцца старшыня ды сакратар Цэнтрвыбаркама, мясцовыя чыноўнікі. Журналісты ахвотна тыражуюць палітычныя заявы, ацэнкі, якія дазваляе сабе кіраўніца ЦВК, хоць па ідэі гэта не яе місія. Арганізатары выбараў мусяць быць непрыкметнымі, як рэстаранная абслуга, а не ментарстваваць у дачыненні да палітычных гульцоў.

Зрэшты, для дзяржаўных СМІ фармальна-тэхнічная, пазбаўленая драматызму і абмалёўкі персаналій метода асвятлення выбараў — цалкам асэнсаваная лінія, бо ўлада не зацікаўлена піярыць сваіх апанентаў, рэкламаваць іх лозунгі. Таму ўсё робіцца паводле няхітрай схемы: вось надышоў чарговы этап, вось што пра гэта кажа закон, вось што прадпісвае пастанова ЦВК, а вось што мяркуе яе сакратар Мікалай Лазавік… Аднак жа ў палон падобнай схемы трапляюць і некаторыя недзяржаўныя выданні. Яшчэ адна хіба недзяржаўнай прэсы — падаваць выбарчую кампанію ў спрошчанай, безаблічнай біпалярнай трактоўцы «апазіцыя vs. улада». Паводле маніторынгу БАЖ, болей за 62% плошчы, адведзенай на асвятленне парламенцкай кампаніі 2012 года ў «Народнай волі», з'елі чатыры неперсаніфікаваныя суб'екты — апазіцыя, электарат, ЦВК і ўлада. У тыднёвіку «Наша ніва» ў межах асвятлення той самай кампаніі ўладзе адвялі болей за 47% плошчы.

Маніторынгі БАЖ паказваюць таксама, што асобныя недзяржаўныя выданні непрапарцыйна асвятляюць удзел у выбарах тых ці іншых палітычных сіл: пра нейкія пішуць багата, пра нейкія ж — практычна не згадваюць (хоць тыя таксама варушацца). Зазначу: іншым разам гэта адбываецца проста праз адсутнасць планавання, хаос у рэдакцыйнай працы, але ў пэўных выпадках адразу бачыш, каму сімпатызуе і каго не любіць кіраўніцтва выдання. Такая відавочная ангажаванасць спараджае этычныя пытанні. Роўнааддаленасць ад палітычных гульцоў — найлепшая пазіцыя для журналіста і рэдакцыі. Гульцы ж могуць крыўдзіцца за крытыку, але па вялікім рахунку будуць паважаць за прынцыповасць. І яшчэ парада. Калі палітыкі пачынаюць назаляць, каб іх піярылі (а перад выбарамі ўсе раптам прачынаюцца), райце не цягнуць у друк сумныя праграмныя тэзы (іх мала хто чытае), а ствараць як мага болей інфармацыйных нагод. Хто лепей крэатывіць у рэале, той сам прымагнічвае прэсу.

Увогуле ж я прагназую, што ў Беларусі доўга яшчэ не будзе справядлівых выбараў. Шлях да дэмакратыі можа заняць дзясяткі гадоў. І ён толькі расцягнецца, калі апаненты рэжыму будуць збольшага гуляць ў яго «дэлегітымацыю», а не спрабаваць рэальна пашырыць свае плацдармы тут і цяпер. У прыватнасці, і праз удзел у апрыёры несправядлівых выбарах. Я называю гэта стратэгіяй жабы ў смятане: некалі, можа, і саб'ецца масла. Звыш усяго, варта разумець, што ў нашым грамадстве пакуль што не напрацаваны пласт палітычнай культуры. І дзяржава, яе медыі не стануць шчыраваць у гэтым сэнсе, ім выгадны акурат дэпалітызаваны абывацель. Недзяржаўная ж прэса, дасціпна пішучы пра нашы скрыўленыя выбары, параўноўваючы іх з досведам заходніх дэмакратый, будзе спрыяць і палітычнай адукацыі грамадзян.

**Анатоль САНАЦЕНКА — сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў, беларускага ПЭН-цэнтра, ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў», галоўны рэдактар «Бабруйскага кур'ера».
Выдаў пяць кніг вершаў па-руску. Як паэт, празаік і драматург публікаваўся ў мясцовым, рэспубліканскім, а таксама расійскім друку.**

У 41 год стаў пісаць па-беларуску. «Вяртанне на Радзіму» — першая кніга аўтара на беларускай мове, дзе ён піша пра Бацькаўшчыну, жанчыну, каханне, пра асабісты шлях да беларушчыны; тут жа пераклады з Гіёма Апалінэра, дзед і маці якога былі родам з Беларусі...

Вяртанне на радзіму

Замест прадмовы

Як можна вярнуцца туды, адкуль не з'язджаў? — спытаеце вы.

Можна. Яшчэ як можна. Але трэба растлумачыць…

Усе мы, саракагадовыя і старэйшыя, з'яўляемся ахвярамі Савецкай імперыі, у ментальным хоць бы плане.

Нават тыя, хто ганарліва лічаць сябе свабоднымі людзьмі, маўляў, без «савецкай матрыцы» ў галаве, без савецкага геному ў крыві.

Лічыў і я сябе такім. Між тым мы — ахвяры. І я — таксама.

Жыццёвы прыклад. Упершыню я пачуў беларускую мову толькі ў школе. Мы жылі ў перапоўненым савецкімі войскамі Бабруйску, у цэнтры горада. Вакол — рускамоўныя сем'і вайскоўцаў і да іх узроўню «падцягваліся» гараджане ў першым-другім пакаленні…

Павагі да беларускай мовы не было, дзеці з ваенных сем'яў з дазволу бацькоў і адабрэння адміністрацыі школы адмаўляліся яе вывучаць. Сітуацыя была безнадзейнай… Але ў сёмым-восьмым класах — псіхалагічная проза Васіля Быкава, вершы Максіма Багдановіча, якія я пры адсутнасці кніг паэта перапісваў для сябе ад рукі; «Вераніка», «Александрына», «Спадчына» ВІА «Песняры» — песні, якія пераварочвалі душу і рабілі яе беларускай…

Потым былі іншыя радасныя адкрыцці — ранні Купала, Колас, лірычны Панчанка; пазней — Леанід Дранько-Майсюк, Уладзімір Арлоў, Андрэй Хадановіч, Віталь Рыжкоў…

І вось я, рускамоўны, нарэшце вярнуўся на Радзіму сваіх продкаў з іх 700-гадовым родавым гербам «Касцеша». На Радзіму мовы.

У Айчыну. У Беларусь. У Вялікае княства Літоўскае.

Вершы. Пераклады.
Зацемкі з кнігі «Вяртанне на Радзіму»

***

Калі я размаўляю па-беларуску,
У мае жылы ўваходзіць сама Гісторыя,
Я раблюся шляхетным — у шляхетным адзенні, —
Як таму і трэба быць,
Як і наканавана лёсам...
Шэсцьсот гадоў альбо сямсот,
Усе соймы, гербы, сцягі і штандары,
Усе надзеі і летуценні,
Уся старадаўняя Літва,
Што сёння завецца Беларуссю;
Сінія Воды, Грунвальд, Ворша і Ула,
Гусоўскі, Скарына, Купала і Багдановіч —
Усё гэта праходзіць перада мной і праз мяне
І робіцца маёй беларускай душою…

Калі я размаўляю па-беларуску…

***

Кожная хвіліна — гэта боль ...
Як жа гэта так? — дазволь.
Хіба гэтага чакалі,
Можа дрэнныя квіткі нам далі?..
Хочацца сказаць: «Адбой».

Моўчкі мы сядзім, як на вакзале.
Кожная хвіліна — гэта боль...

***

— Быў чалавек — пайшоў да Бога.
Што засталося тут? Нічога.
— Як гэта так? Пражыў ён многа...
Няўжо і сапраўды — нічога?
— Так, сапраўды, на жаль, — нічога.
Быў чалавек — пайшоў да Бога.

ПРЫЗНАННЕ

Тое, што трымае мяне ў гэтым свеце, —
Гэта твая ўсмешка,
Некалькі райскіх слоў, сказаных прыхапкам,
Але якія сталі маім гімнам,
Твой захоплены погляд,
Якім ты зірнула на мяне ў тую ноч.

І яшчэ дзве-тры рэчы,
Дзве-тры рэчы,
Але пра гэта потым,
Аб гэтым — потым…

***

Правіцелі лезуць на троны,
Каб вечна на іх заставацца.
Ты моцна ў жанчыну ўлюбёны,
Штодзень ад пакут каб хістацца.

Усё неяк дваіста ў жыцці,
У гэтай цудоўнай краіне…
І лёс наш такі — каб ісці
Пад маршы new-хунвейбінаў...

***

Ты жыў у доме ў нуды,
Сілкуючыся ў шкадавання,
І зразумеў, што быў дурны:
Шукаў не там выратавання.

У рэчку двойчы не ўступіць —
Пачуццям так няма вяртання…
Далей, як жыў, патрэбна жыць,
Не думаючы пра расстанне…
Жыць, нібы тая трын-трава,
І гадаваць сваё мастацтва —
Каб не балела галава,
Каб не было ў душы вар'яцтва…

ГІЁМ АПАЛІНЭР

(пераклады з французскай)

***

Я больш не ведаю ці я люблю яе
Ці гэта проста мой зімовы грэх
У небе дождж я ў паліто ў кашне
Не не любоў а толькі рэха
Мае каханні гінуць праз мяне

АНІ

На ўзбярэжжы Тэхаса
Па дарозе з порта Мабіл на Галвестон
Ёсць вялікі сад які ўвесь у ружах
У ім схавалася віла ружам у тон
Што сама на ружу падобная дужа

Вельмі часта жанчыну адну
У гэтым садзе я бачу
І калі я міма іду
То сустрэцца з ёй поглядам мне
Гэта такая ўдача

А паколькі яна менанітка
Ані ў сэрцы яе ані ў адзенні
Без усялякай надзеі
Няма гузікаў менавіта
Два з іх згубіў невядома дзе я
Мы адзінай веры з вамі ледзі

КЛАТЫЛЬДА

Анемон і Каламбіна
Расцвілі ў садзе тваім
Там дзе спіць туга нявінна
Між любоўю і пагардай
Нібы сіні дым
Сіні дым

Існуюць таксама нашы цені
Толькі прыйдзе ноч
Прыйдзе ноч
Разам з сонцам у адно імгненне
Цені знікнуць ты за імі кроч
З імі кроч

Косы німф азёрных як струмені
З іх прыгожых твараў льюцца ўніз
льюцца ўніз
Ты прайсці павінен у імкненні
За прыўкрасным ценем у парадыз
У парадыз

РАЗВІТАННЕ

І сарваў я галінку верасу
Бачыш мертвая восень вакол
На зямлі мы ўжо не сустрэнемся
Вось пах часу пах верасня верасу
Я чакаю ў сuквецце вякоў

Зацемкі

Прадзед майго прадзеда жыў у ВКЛ

Калі браць па бацьку, па ягонай маці, мае прадзеды былі з роду Статкевічаў.

І было іх шасцёра. Шасцёра братоў. Нарадзіліся яны — па маіх падліках — у 60-я гады 19-га стагоддзя (мой родны прадзед — у 1869 г.). І можна з некаторай доляй упэўненасці сказаць, што яны яшчэ заспелі свайго дзеда, а можа, і прадзеда, які падлеткам, мяркую, жыў у Вялікім княстве Літоўскім. І які мог многае ім расказаць аб тым часе…

Гэта значыць, у іх сям'і маглі быць не толькі паданні (як у іншых шляхетных сем'ях), але і жывыя сведчанні пра ВКЛ!..

Статкевічы былі, відавочна, зарыентаваныя не на Пецярбург, не на Усход, а на Захад — Вільню, Варшаву. Відавочна, былі людзьмі заходняй культуры і светапогляду.

Далей мне вядома толькі тое, што яны ўсе (усе шасцёра братоў) з'ехалі ў Царства Польскае. Дзе яшчэ заставаліся сляды, дыханне ВКЛ, Рэчы Паспалітай…

Праз нейкую колькасць гадоў мой прадзед Фёдар Статкевіч вярнуўся назад, да старога бацькі, у якога пад Бабруйскам была свая смалярня; відаць, жыў ён нядрэнна.

Жонка Фёдара Статкевіча памерла, засталася маленькая дачка. З ёй і вярнуўся ў «родавыя» Пабокавічы. Працаваў — спачатку ляснічым, потым механікам на заводзе пад Бабруйскам.

У сорак гадоў зноў ажаніўся. У іх з маладой жонкай Агаф'яй Дрозд нарадзілася яшчэ пацёра дзяцей: два сыны і тры дачкі — мая бабуля і стрыечныя дзядулі і бабулі.

Часы пачыналіся людаедскія, у 24-м годзе дзед Фёдар хацеў паехаць назад — да сваіх братоў, у Польскую Рэспубліку, але межы ўжо былі перакрытыя, з'язджаць не дазвалялі… Мабыць, хутка перапынілася і перапіска. (Лістоў, адрасоў не захавалася, і да гэтага часу невядома, дзе жывуць мае «польскія» сваякі, і колькі іх…)

Але бальшавікі не дабраліся да маіх продкаў. Не паспелі. Яны — спачатку прабабуля Агаф'я, у 1927 годзе, а потым і прадзед Фёдар, у 1934 годзе, — «збеглі» ад іх, памерлі ад сухотаў, што лютавалі тады ў тых краях…

Ад іх, продкаў па лініі Статкевічаў, мне засталося імя па бацьку — Казіміравіч і «ганарлівая кроў», што вядзе мяне па жыцці…

Карэнішча народа

...І зноў, як і 200 гадоў таму, усходняя імперыя і яе «прыхільнікі» хочуць ментальна, ідэалагічна заняволіць гэты народ. Прывязаць яго да сябе намёртва.

У краіне знішчаецца, душыцца ўсё жывое, усё, што дыхае і развіваецца — грамадзянская супольнасць, незалежныя палітыкі, журналісты, СМІ...

Знішчаюцца ўсе пачынанні, усе ідэі, мэтай якіх — сапраўдная, не на паперы, незалежнасць.

Але ў «іх» нічога не атрымаецца.

Але яны прайграюць.

Немінуча.

Паколькі карэнішча народа праходзіць па ўсёй зямлі беларускай.

Яго — ні выкарчаваць, ні знішчыць.

І мінулыя 200 гадоў — таму доказ...

Пані Эльжбета,

першы пасол Польшчы ў Беларусі, пасол беларушчыны ў Польшчы

Іна СТУДЗІНСКАЯ

У выдавецтве «Інбелкульт» выйшла кніга сябра БАЖ, журналіста «Радыё Свабода» Валера Каліноўскага «Пані Эльжбета. Гісторыя адной прыязні».

Пані Эльжбета — так называюць у Беларусі выбітнага славіста і беларусазнаўцу, колішнюю кіраўніцу кафедры беларускай філалогіі Варшаўскага ўніверсітэта і кафедры беларускай літаратуры ўніверсітэта ў Беластоку, першага амбасадара Польшчы ў Беларусі. Прафесар Эльжбета Смулкова вывучае і пашырае беларускую культуру ў Польшчы і ў свеце цягам шасцідзесяці гадоў.

Надзвычайны і Паўнамоцны пасол Рэспублікі Польшча ў Рэспубліцы Беларусь Конрад Паўлік на Міжнароднай канферэнцыі «Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі», у межах якой прайшла прэзентацыя кнігі Валера Каліноўскага, прамовіў:

«Кніга — гэта не толькі біяграфія выбітнай навукоўцы і дыпламата, але і расповед пра складаную польскую гісторыю XX стагоддзя, гісторыю Беларусі. Хіба гэта не парадокс, што народжаная ў Львове дзяўчынка, бацька якой быў забіты НКУС, была сасланая ў Сібір, вяртаецца дадому, а праз гады становіцца адным з найлепшых знаўцаў беларускай мовы ў Польшчы? Нарэшце, яна становіцца вышэйшым прадстаўніком Польскай дзяржавы ў незалежнай Беларусі. Пагадзіцеся, тут не абышлося без пэўнай метафізікі».

«Мая кніга значна шырэй за біяграфію спадарыні Эльжбеты»

Валер Каліноўскі распавёў, чаму зацікавіўся лёсам даследчыцы.

— Спадар Валер, чаму Вас зацікавіла менавіта асоба пані Эльжбеты Смулковай? У Беларусі ж працавала нямала надзвычай цікавых дыпламатаў з розных краін, яркіх, адданых.

— Эльжбета Смулкова не толькі амбасадар, хоць у Беларусі яе збольшага памятаюць менавіта як амбасадара. Напэўна, яна — лепшы амбасадар Польшчы, якія тут былі, найбольш прыязная да Беларусі і адданая справе.

Эльжбета Смулкова
і Валер Каліноўскі

Эльжбета Смулкова (Баранова) нарадзілася ў 1931 годзе ў Львове ў сям'і настаўніцы і інжынера-лесніка, намесніка кіраўніка Дырэкцыі дзяржаўных лясоў у Львове. У 1940 годзе бацьку арыштавалі, а маці з двума малымі дзецьмі выслалі ў Сібір. Маці Яніна Баранова да самай смерці ў 1991 годзе так нічога і не даведалася пра лёс свайго мужа. Толькі ў 1995 годзе дочкам Казімежа Барана Эльжбеце і Марылі ўдалося знайсці бацькава прозвішча ў апублікаваным «Украінскім спісе» катыньскіх ахвяраў.

Цягам пяці гадоў у сібірскім пасёлку Усць-Сільга (Навасібірская вобласць, Каргасокскі раён) маці Эльжбеты Яніна Баранова цяжка працавала, каб пракарміць дачок, вучыла іх пісаць па-польску, знаходзіла пазітыў і добрых людзей у найскладанейшых варунках. У 1946 годзе яна з дзецьмі вярнулася ў Польшчу і зрабіла ўсё, каб дочкі атрымалі добрую адукацыю.

У 1951 годзе Эльжбета скончыла гімназію. Яна не збіралася стаць мовазнаўцай — з дзяцінства марыла стаць лекарам. Падала дакументы ў медыцынскі інстытут, але туды прымалі толькі чальцоў польскага камсамолу — Звязу польскай моладзі. Давялося падаць дакументы ў Торуньскі ўніверсітэт імя Мікалая Каперніка на польскую філалогію. Там Эльбжета захапілася беларусістыкай, якая стала справай яе жыцця. У Торуньскім універсітэце яна абараніла дыпломную магістрскую працу на тэму польска-беларускіх моўных сувязяў на прыкладзе мовы вясковых жыхароў усходняй Беласточчыны. Потым літаратурную версію беларускай мовы вывучала на аддзяленні славістыкі Варшаўскага ўніверсітэта, штодзень прыязджаючы на заняткі ў сталіцу з Торуні. Амаль ўся навуковая кар'ера пані Эльжбеты была звязаная з кафедрай беларускай філалогіі Варшаўскага ўніверсітэта.

У 1991 годзе Эльжбету Смулкову прызначылі першым Надзвычайным і Паўнамоцным паслом Польшчы ў Рэспубліцы Беларусь.

«Мне было дадзена працаваць ў Беларусі ў пераломную эпоху, у 1991–1995 гадах. Гэта быў вельмі цікавы, творчы час інтэнсіўнай змены ладу ў Польшчы, распаду Савецкага Саюза і ўзнікнення новай беларускай дзяржаўнасці. Час наладжвання двухбаковых польска-беларускіх дыпламатычных дачыненняў на новым, партнёрскім грунце», — піша Эльжбета Смулкова ў сваёй кнізе «Памежжа моў. Памежжа культур».

24 чэрвеня Эльжбеце Смулковай споўнілася 85 гадоў. І прэзентацыя кнігі журналіста «Радыё Свабода» Валера Каліноўскага «Пані Эльжбета. Гісторыя адной прыязьні» была прымеркаваная да яе дня нараджэння. У Варшаўскім унівэрсітэце прэзентацыя кнігі пра пані Смулкову прайшла 27 чэрвеня.

Але пані Эльжбета яшчэ 60 гадоў займаецца беларусістыкай — з канца 1950-х гадоў яна супрацоўнічала з беларускімі мовазнаўцамі, культуролагамі, этнографамі, хадзіла па вёсках, пісала навуковыя працы пра націск у беларускай мове, пра землеробчую лексіку. Можна сказаць, глыбока даследавала Беларусь знізу, а потым, быўшы ўжо амбасадарам, глядзела зверху, як Беларусь выглядае.

— А адкуль у маладой дзяўчыны з Польшчы прачнулася такая любоў да Беларусі? Можа, у яе ёсць беларускія карані?

— Не, беларускіх каранёў ў яе няма. І ў Беларусі яна ні разу не была да моманту навуковай зацікаўленасці. Любоў да нашай краіны, відаць, узнікла пазней. Спачатку ў пані Эльжбеты быў чыста навуковы інтарэс, звязаны з тым, што Галіна Турска, прафесар Торуньскага ўніверсітэта, дзе навучалася Эльжбета пасля вяртання з Сібіры і заканчэння гімназіі, паходзіла з Віленшчыны, вывучала віленскія гаворкі яшчэ да вайны, калі працавала ва ўніверсітэце Стэфана Баторыя ў Вільні. Прафесар Турска працягвала вывучаць беларускія гаворкі на Беласточчыне і накіравала туды маладую даследчыцу, якая стала дактаранткай, — Эльжбету Смулкову. Пазней Турска парэкамендавала Смулкову як даследчыцу ў Варшаўскі ўніверсітэт, дзе рыхтавалася вялікая каманда для працы над беластоцкімі гаворкамі. Тады Смулкова паехала ў Варшаву да Антаніны Абрэмбскай-Яблоньскай, выбітнай польскай беларусазнаўцы, стваральніцы польскай беларусістыкі, якая заснавала кафедру беларусістыкі ў Варшаўскім універсітэце і аддзяленне беларусістыкі ў Інстытуце славістыкі. Прафесар Абрэмбска-Яблоньска асноўныя свае даследчыя працы прысвяціла Беларусі, яна — укладальніца беларуска-польскага слоўніка, яна выдала «Пана Тадэвуша» Адама Міцкевіча ў перакладзе Браніслава Тарашкевіча. І яна ўвесь час падштурхоўвала

пані Эльжбету, дапамагала ёй ісці беларускай дарогай. Такім чынам, дзве настаўніцы — Галіна Турска і Антаніна Абрэмбска-Яблоньска — і падштурхнулі Смулкову да беларушчыны.

— Біяграфічны жанр надзвычай цяжкі: тут патрэбна дакладнасць, акуратнасць, праверка фактаў, звестак і ў той жа час неабходна знайсці цікавосткі, незвычайныя моманты, павароты ў жыцці героя — каб было цікава чытачу. Як удалося спалучыць сухія біяграфічныя звесткі і чалавечы, эмацыйны расповед пра лёс сваёй гераіні?

— У гэтым і палягае задача аўтара такой кнігі, якая па сутнасці і ёсць біяграфія пані Эльжбеты, — знайсці залатую сярэдзіну. Але мая кніга значна шырэй за біяграфію спадарыні Эльжбеты. Яна ўключае і гісторыю беларуска-польскіх адносін прынамсі XX стагоддзя і нават яшчэ больш ранняга перыяду. Як развіваліся стасункі паміж Беларуссю і Польшчай у навуковай, культурнай сферах, а потым і ў дыпламатыі, як працягваюцца. Мы гэта ўсё аналізуем. Задача, якую я сабе паставіў, — распавесці праз адну асобу гісторыю беларуска-польскіх адносінаў. Што ў іх было добрага (а добрага было вельмі шмат), што пагоршылася пасля 1994–1995 гадоў і якія ёсць спадзевы на тое, што гэтыя адносіны адновяцца ў поўнай шырыні нашай прыязні, якая гістарычна была паміж палякамі і беларусамі. Вось такая мая была ідэя і задача. Канечне, рэалізаваць яе было складана. Але калі ў галаве ёсць разуменне, канцэпцыя, як гэта зрабіць, тады гэта ўжо лёгка.

Што да жанру, мяркую, гэта дакументальная кніга, кніга-біяграфія, якая базуецца ў значнай ступені на інтэрв'ю, але я пайшоў далей. Гэты жанр па-ангельску называецца *extended interview*, па-польску — *wywiad rzeka*. Я з пані Эльжбэтай размаўляў 8 дзён, у мяне ёсць больш за 50 гадзін гуказапісу нашых размоваў. Але ўжо шмат дэталяў яна не памятае, штосьці забылася, а чагосьці, магчыма, і не ведала. Асабліва пра Сібір, пра Нарымскі край — яна ж была дзіцём. Няшмат памятала яна і пра нашых беларусазнаўцаў, беларускіх філолагаў, з якімі працавала ў маладосці. Так што аснова кнігі пачалася з інтэрв'ю, а потым былі даследаванні, праца ў архівах, пошук і спраўджванне фактаў, лічбаў, людзей, якіх я ўзгадваю. Таму была вялікая дакументальная праца, прычым выкладзеная ў журналісцкім, публіцыстычным стылі, каб гэта было і цікава, і дакладна, і навукова-папулярна.

— А пані Эльжбета цікавая суразмоўца? І наколькі яна адкрытая і шчырая — у дыпламатаў жа шмат сакрэтаў, якія яны не могуць раскрываць і пасля завяршэння кар'еры.

— Суразмоўца яна надзвычай цікавая. Яна шмат чаго ведае. Чалавек жыве ў свабодным свеце цікавым інтэлектуальным жыццём, яна да апошняга часу працуе з навуковымі праектамі, звязанымі з Беларуссю. Але шмат дыпламатычных таямніц яна мне не выдала, бо дагэтуль выконвае свой абавязак трымаць таямніцы (у адрозненне ад многіх іншых былых дыпламатаў), хаця шмат цікавага распавяла і пра перыяд свайго амбасадарства. Тым больш той перыяд быў складаны і цікавы. Асабліва 1991–1992 гады, калі ўсё было выдатна, калі квітнелі нашыя адносіны. А ў 1994–1995 гадах адносіны пачалі псавацца, была нават высылка дыпламатаў. Мы пра гэта гаворым шчыра. Камусьці з беларускіх уладаў гэта не спадабаецца. Але гэта рэальнае жыццё, і аб'ектыўны чалавек не можа гэтага не бачыць.

Дарэчы, хачу падкрэсліць яшчэ адну акалічнасць. Мы з выбітнай даследчыцай, выкладчыцай БДУ Ірынай Багдановіч рыхтавалі прэзентацыю кнігі «Пані Эльжбета. Гісторыя адной прыязні» у рамках Міжнароднай канферэнцыі «Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі». І планавалі правесці яе ў першы дзень канферэнцыі на філалагічным факультэце Белдзяржуніверсітэта. Прычым кніга на той час ужо была ў свабодным доступе ў інтэрнэце. І да апошняга моманту, я думаю, ніхто не чытаў кнігу. І толькі

за пару гадзін да запланаванай імпрэзы да нас дайшла інфармацыя: «ёсць меркаванне, што прэзентацыю не варта праводзіць у першы дзень у сценах БДУ, дзе будуць афіцыйныя выступы дэкана, прарэктара». Маўляў, мэтазгодней перанесці яе на больш позні тэрмін. Так што нейкія рэчы з кнігі камусьці не спадабаліся. Але я — свабодны журналіст, пішу як думаю, а пані Эльжбета — свабодны навуковец, інтэлектуал і не абмяжоўвае свае думкі тым «а што могуць падумаць у адміністрацыі ці дзесьці яшчэ». Дзякуй Богу, скандалу не было, правялі прэзентацыю на другі дзень канферэнцыі у Музеі Ваньковіча.

Пытанне, што не спадабалася чыноўнікам

Эпіграфам да главы «Рамантычны перыяд у дачыненнях Мінску і Варшавы» Валер Каліноўскі ўзяў фрагмент з кнігі Смулковай «Памежжа моваў. Памежжа культур».

«Цяпер, з адлегласці часу, бачу, як шчасліва склалася, што першым амбасадарам РП у Рэспубліцы Беларусь стала мовазнаўца і шматгадовая даследчыца гэтай краіны. Жартам можна было б сказаць, што ў афіцыйных і неафіцыйных размовах, як у Польшчы, так і ў Беларусі, мне дадавала адвагі пачуццё, што "за мной стаіць народ", — гэта значыць Беларусь, пазнаная знізу, ад каранёў — як вёска, так і горад, многія беларускія сем'і, якія я ведала асабіста. Падчас амбасадарскай працы я вучылася новаму абліччу Беларусі, таму, што над тым "народам" як вялікая шапка: яна часам пасуе, часам ціснe, а часам зусім неадпаведная».

Ёсць у кнізе і глава «Разварот» — пра пагаршэнне беларуска-польскіх дачыненняў. Першыя сімптомы пахаладання Эльжбета Смулкова заўважыла яшчэ напрыканцы 1993 — пачатку 1994 года. А ў верасні 1995 года Эльжбета Смулкова сышла з пасады амбасадара.

— Пра ўсё гэта падрабязна напісана ў кнізе. А вось што тычыцца будучыні Беларусі — як яна яе бачыць?

— У маёй кнізе ёсць цэлы раздзел — «Беларусь — Польшча: сёння і заўтра». Я зрабіў яго у жанры інтэрв'ю. Там ёсць адно маё пытанне: ці падтрымае Польшча беларускае адраджэнне, беларускую дзяржаўнасць, калі нейкім чынам адыйдзе ад улады Аляксандр Лукашэнка. І пані Эльжбета выказвае свой прагноз і сваё бачанне сітуацыі — вельмі цвяроза, яна ўжо не мае такога рамантызму, але яна верыць у беларушчыну, у шчаслівы лёс беларускай мовы. Пані Смулкова рэальна ацэньвае кепскі стан беларускай мовы ў грамадстве, але мае вялікі спадзеў, што беларускую мову не напаткае лёс латыні ці палабскай мовы, бо ніякіх падставаў унутрымоўных для цяперашняга плачэўнага стану беларускай мовы няма. Ёсць толькі вонкавыя чыннікі — спачатку русіфікацыя Савецкага Саюза, цяпер — русіфікацыя ўласна беларуская.

Ёсць у мяне пытанне, як будзе дапамагаць Польшча ў выпадку змены аўтарытарнага рэжыма. І я ведаю дакладна, што яно не спадабалася некаторым чыноўнікам.

А пані Эльжбета адказала наступнае: «Усё залежыць ад таго, як беларусы будуць арганізоўвацца, наколькі змены грамадскага, палітычнага і эканамічнага жыцця пойдуць у кірунку рэфрмаў, праведзеных на Захадзе і ў нас. Наколькі новая ўлада пойдзе гэтым шляхам. Я лічу, што Польшча зацікаўленая ў тым, каб яе суседзі, як Літва, якая ўжо сябра Еўрасаюзу, а таксама Беларусь і Украіна, прэтэндавалі на далучэнне да еўрапейскай супольнасці… Так што ад самой краіны, ад самой дзяржавы Беларусі перадусім залежыць, якую яна для сябе абярэ дарогу — еўрапейскую альбо еўраазіяцкую».

— А пасля таго як яна сышла з пасады і з'ехала ў Варшаву, яна працягвала беларускую справу?

— Так, Эльжбета Смулкова стварыла курс беларушчыны — не толькі пра мову, а значна шырэйшы.

Фота з прэзентацыі ў Мінску прадстаўлена В. Каліноўскім

І потым увесь час яна заставалася паслом беларушчыны ў Польшчы, увесь час падтрымлівала праекты, звязаныя з беларускай культурай, навукай, даследаваннямі. Яна была кансультантам і ў МЗС Польшчы па беларускіх пытаннях, у фундацыі дапамогі палякам на ўсходзе, у Варшаўскім універсітэце, у Акадэміі навук — усюды была запатрабаваная да апошняга часу.

І прэзентацыя маёй кнігі, якая прайшла ў Варшаве, паказала, наколькі яе шануюць. Была поўная зала, прысутнічалі намеснік міністра замежных спраў Польшчы Марэк Зюлкоўскі, дырэктар Інстытута славістыкі, дэкан Інстытута паланістыкі — гэта сапраўды сведчыць, што яе шануюць і ў Польшчы, і ў Беларусі.

— Хто Вам дапамагаў у напісанні гэтай кнігі?

— Дапамагала мне вельмі моцна Анна Энгелькінг, былая дырэктарка Інстытуту славістыкі Польскай акадэміі навук, адна з любімых вучаніц пані Эльжбеты. Звязваўся я з кафедрамі беларусістыкі Варшаўскага і Беластоцкага ўніверсітэтаў. Пісаў запыты нават у Службу бяспекі Украіны, калі мне былі патрэбныя матэрыялы па ўкраінскім Катыньскім спісе, што тычыліся бацькі пані Смулковай Казімежа Барана, закатаванага Саветамі ў 1940 годзе. Адказы атрымліваў аператыўна. Шмат гаварыў з тагачасным міністрам замежных спраў Беларусі Пятром Краўчанкам. З беларускімі мовазнаўцамі давялося шмат кантактаваць. І фактычна ў гэтай кнізе я называю выбітную пляяду беларускіх мовазнаўцаў, з якімі пані Эльжбета працавала ў 1950–1960-х гадах, якіх ужо няма. Але я звязваўся з людзьмі, якія іх памятаюць.

— 85 гадоў — даволі пачэсны ўзрост. Як пані Эльжбеце ўдалося захаваць такую памяць, веды, розум ды шыкоўна выглядаць у такім сталым узросце?

— Інтэлектуальныя праца спрыяе даўгалеццю. Гэта мне казала і сама пані Эльжбета. Тое самае мне казаў і наш знакаміты зямляк прафэсар Барыс Кіт, калі яму споўнілася 100 гадоў. Тое самае кажа і 90-гадовы Янка Запруднік. Калі чалавек разумова працуе, піша, вывучае мовы, нешта ўдасканальвае, тады і арганізм яго трымаецца.

Прызнанне аўтара

Чаму я ўзяўся за напісанне кнігі пра Эльжбету Смулкову? Ёсць дзве прычыны. Першая — гэта ўласны досвед супрацы з польскімі навукоўцамі, з польскімі СМІ, з якімі я маю шчыльныя кантакты ўжо цягам 25 гадоў. Калі я вучыўся ў аспірантуры, разам з польскімі этнографамі хадзілі ў супольныя экспэдыцыі, я бываў на навуковых канферэнцыях у Польшчы, выступаў з дакладамі. Сустракаўся і з пані Эльжбетай. Гэта маё мінулае, маё недарэалізаванае навуковае жыццё. І багаж, які я меў, патрабаваў рэалізацыі. І ў выніку — атрымалася кніга.

І другая прычына — мне хацелася чымсьці аддзячыць краіне, якая моцна дапамагла маёй сям'і, майму сыну, якога выключылі ў Мінску з лінгвістычнага ўніверсітэта за палітычную дзейнасць у «Моладзі БНФ», цягалі па ваенкаматах, каб забраць служыць. Гэта быў драматычны перыяд у нашай сям'і. Антон паехаў вучыцца ва Уроцлаў па праграме Каліноўскага. І я хацеў адказаць дабром на дабро.

І яшчэ адно меркаванне, чаму такая кніжка патрэбна менавіта ў гэты складаны час, калі адбываецца вайна ва Украіне, калі Беларусь зноў знаходзіцца пад пагрозай страты незалежнасці. У гэты момант прынамсі эліты павінны зразумець, што не трэба спадзявацца на добрага дзядзьку ў Маскве, трэба паварочваць свой погляд і на Захад, і на Поўдзень, знаходзіць сваіх спрадвечных саюзнікаў, а Польшча з'яўляецца спрадвечным саюзнікам Беларусі.

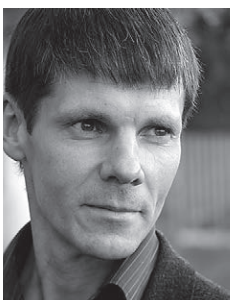
Я хачу падкрэсліць гэтай кнігай, што Польшча — наш вельмі блізкі і прыязны сябар, вельмі мабільная рынкавая краіна, дэмакратычная, адкрытая свету, і нам ёсць сэнс з ёй супрацоўнічаць.

Чаму Украіна так плённа супрацоўнічае зараз з Польшчай? Таму што Польша — першы адвакат Украіны ў Еўрасаюзе. Спадзяюся, Польшча будзе адвакатам і новай Беларусі, калі наша краіна будзе імкнуцца інтэгравацца ў Еўрапейскі саюз.

Пра адно сяброўства

Да 80-годдзя Генадзя Бураўкіна

Сяргей ШАПРАН

28 жніўня Генадзю Бураўкіну было б 80.

Згадваючы цяпер Генадзя Мікалаевіча, найперш хочацца сказаць не пра значнасць яго як паэта, як дзяржаўнага і грамадскага дзеяча, а пра яго чалавечыя якасці і перадусім — пра яго вернасць сяброўству. Зрэшты, і сам Бураўкін, гаворачы ў апошнія свае дні пра ўчынкі, якімі ён можа з поўным правам ганарыцца, назваў тады абарону Васіля Быкава, сяброўства з якім звязвала яго чатыры дзесяцігоддзі. Пра гэтую гісторыю Генадзь Мікалаевіч распавядаў мне неаднойчы, але ўпершыню я пачуў яе яшчэ ў 1999 годзе — ён гаварыў тады:

— …Але назаўжды звяла нас гісторыя абароны Васіля Быкава пасля публікацыі ў газеце «Советская Белоруссия» — публікацыі вельмі грубай, рэзкай і несправядлівай. Гэта было ў 1966 годзе. Быкаў абвінавачваўся ў тым, што няправільна, вельмі вузка паказвае вайну, што прыніжае гераізм савецкіх людзей і піша толькі пра трагічны бок вайны, у той час як трэба паказваць гераічны. Тады існавала такое паняцце, як «акопная праўда»: гэта, маўляў, не ўся праўда пра вайну, сапраўдная ж праўда — недзе там, у генеральскіх штабах. Баявыя генералы лічылі, што Быкаў недаацэньвае іх подзвіг. Як быццам Быкаў, які паказваў подзвіг радавых, мог тым самым пакрыўдзіць генералаў!.. І вось разам з Анатолем Вярцінскім мы напісалі ліст у Цэнтральны камітэт кампартыі Беларусі і пайшлі з ім да нашых літаратурных свяцілаў. На нашае шчасце, яго падпісалі Міхась Лынькоў, Аркадзь Куляшоў, Іван Мележ, Янка Брыль — класікі, якіх мы вывучалі ў школе. Для іх гэта быў сапраўды мужны грамадзянскі ўчынак, бо той факт, што ліст падпісалі людзі аднаго літаратурнага пакалення з Васілём Быкавым, быў зразумелы: мы ўсе былі дзецьмі XX з’езда… Менавіта гэтая гісторыя канчаткова і звязала нас з Васілём. І, спадзяюся, ніштo ўжо да канца нашага зямнога жыцця не разлучыць нас…

Зрэшты, і сам Васіль Быкаў не аднойчы пасля прыгадваў з удзячнасцю сваіх

маладзейшых сяброў Генадзя Бураўкіна і Анатоля Вярцінскага — распавядаў пра гэтую гісторыю на старонках мемуарнай «Доўгай дарогі дадому» і часам раней — у нарысе «Сціплае слова вітання», які быў напісаны да 60-годдзя Бураўкіна: «Мне ж з тае нагоды хочацца сказаць пра, можа, самую важную чалавечую якасць Генадзя Мікалаевіча, зрэшты, і не надта частую для нашага часу — абвостранае пачуццё таварыскасці, прыязнасці, пра сяброўскую цеплыню ягонай душы, якою ён надзелены шчодра і якую рэалізуе ў жыцці поўнаю мерай.

Менавіта ў памянёных якасцях Генадзя аўтар гэтых радкоў пераканаўся даўно, можа, на самым пачатку нашага з ім знаёмства і пасля — на працягу немалых гадоў няпростых і нялёгкіх, але заўжды самых таварыскіх, самых цёплых адносін.

Думаю, варта нагадаць трывіяльную жыццёвую ісціну: людзі падабаюць удачлівых, тых, на каго абрынаецца поспех ці любоў начальства. Тады той раптам са здзіўленнем заўважае, колькі ў яго адданых сяброў і як яны самаадданa любяць яго. А калі наадварот? Калі чалавека спасцігае бяда? Вось тады ад яго і адварочваюцца і сябры, і таварышы, а то і крэўнікі. На жаль, такое здараецца…

Менавіта ў такі час адбылося наша з Генадзем знаёмства. Некаторыя з сяброў і равеснікаў перасталі вітацца, іншыя пачалі выступаць супроць — у друку і асабліва ў прысутнасці начальства. І толькі нямногія, азіраючыся, калі побач не было староннiх, палахліва паціскалі руку і вымаўлялі словы спачування. Генадзь жа не казаў нічога. Абураны беспадстаўнымі нападкамі на аўтара крамольнай весці, ён разам са сваім сябрам Анатолем Вярцінскім напісаў ліст у ЦК і паехаў па кватэрах пісьменнікаў збіраць подпісы. Па тым часе тое было няпроста: добраахвотныя заступнікі справядлівасці наслухаліся рознага — ад глыбакадумных абгрунтаванняў немагчымасці заступіцца да пагрозаў наступствамі. Рызыкавалі яны таксама ўласнай партыйнай рэпутацыяй і, безумоўна, — кар'ерай, па сутнасці, на самым яе пачатку: абодва тады былі зусім маладыя. Зрэшты, руплівуцы партыйнасці і бальшавіцкага законапаслухмянства, мабыць, мелі рацыю — тое адгукнулася на кар'еры абодвух, не ў той год, дык пазней. Як даўно вядома, добрыя ўчынкі не застаюцца непакаранымі.

Але справа не ў выніках заступніцтва, якое практычна ці мела сэнс, — для пакрыўджанага болей важна было звычайнае пачуццё спачування, чалавечай спагады, якія грэюць болей, чым міласэрны прысуд начальства, якога тады якраз і не дачакаліся. І для мяне, і для маіх заступнікаў, якіх у Саюзе пісьменнікаў набралася аж за 60 асобаў, то быў учынак сумлення, хрысціянскай міласэрнасці. Ён не даў памерці надзеі і пабудзіў светлую спадзяванку, без якой чалавек — не чалавек. Тым болей не творца і наўрад ці грамадзянін».

Зрэшты, варта было б прыгадаць яшчэ адну гісторыю, якая адбылася напрыканцы жыцця Быкава: вярнуўшыся ў маі 2003-га з Прагі, Васіль Уладзіміравіч даведаўся, што ягоная жонка Ірына Міхайлаўна пазбаўлена мінскай прапіскі. Для Быкавых гэта сталася вялікай, невырашальнай праблемай. Па дапамогу Васіль Уладзіміравіч звярнуўся да даўняга свайго сябра — Генадзь Мікалаевіч прыгадваў падчас адной з нашых з ім сустрэч у 2004-м:

— Яшчэ перад ад'ездам Васіля з Прагі мяне праз аднаго майго сябра папрасіў аб сустрэчы кіраўнік Адміністрацыі прэзідэнта Урал Рамдракавіч Латыпаў. Размова павінна была ісці пра Быкава…

Мы сустрэліся ў адным рэстаранчыку. Латыпаў пацікавіўся станам здароўя Васіля Уладзіміравіча, ці не патрэбна яму якая-небудзь дапамога… Я тады збіраўся ехаць у Прагу праведаць Васіля. Заадно Аляксандр Старыкевіч, рэдактар газеты «Салідарнасць», папрасіў мяне зрабіць інтэрв'ю з Быкавым, які ў той час катэгарычна адмаўляўся ад любых размоў з журналістамі. Патэлефанаваўшы Васілю, я сказаў, што хачу прыехаць (ён узрадаваўся гэтаму), і выказаў надзею, што ён не адмовіць у інтэрв'ю, самым кароценькім. Васіль адказаў: «Прыязджай, тады паглядзім…»

Размова гэтая адбылася не больш чым за тыдзень да яго прыезду ў Мінск. Я пачаў збірацца. Аднак Васіль, відаць, ужо тады вырашыў, што вернецца, але нічога пра гэта мне не сказаў. І якраз у той час мне і перадалі просьбу Латыпава. Я так і сказаў Уралу Рамдракавічу, што збіраюся ў Прагу, што Васілю была зроблена аперацыя, вельмі няпростая, што ў яго метастазы ў печані… Латыпаў спытаў, чым можна дапамагчы — лекамі ці яшчэ як. Я адказаў, што, наколькі мне вядома, ніякіх праблем з лекамі ў яго няма, а які ягоны стан і што ўвогуле Васіль збіраецца рабіць, змагу адказаць, калі вярнуся…

Варта адзначыць, што Латыпаў у размове неаднаразова падкрэсліваў, што вельмі паважае Васіля Быкава і гаворыць толькі ад свайго імя…

Вось такая адбылася гаворка, працягнуць якую мы дамовіліся пасля таго, як вярнуся з Прагі.

І раптам нечакана для мяне — не ведаю, наколькі нечакана для іншых — Васіль прыляцеў у Мінск. Мы

1973 г. Андрэй Макаёнак, Васіль Быкаў, Генадзь Бураўкін.
Фота Уладзіміра Крука

— Я ж вам сказаў, што гэта мая асабістая ініцыятыва.

— Калі сапраўды гэта не дойдзе да Лукашэнкі, тады я раскажу пра адзін клопат, які вельмі непакоіць Васіля. Гэта — прапіска Ірыны Міхайлаўны. Наколькі разумею, для вас гэта не праблема.

— Абсалютна… А яшчэ?

— А больш ніякіх просьбаў.

— Можа, з лекамі?

— Не. Гэта адзінае, пра што сказаў мне Васіль.

— Добра. Дапамагу.

Праўда, потым я папрасіў яшчэ

сустрэліся, і ўжо пры першай сустрэчы, калі былі сам-насам, я сказаў Васілю:

— У мяне была сустрэча з Латыпавым, які пытаўся пра цябе і прапаноўваў дапамогу, калі яна патрэбна.

Васіль адказаў на гэта:

— Ты ведаеш мае адносіны да нашых кіраўнікоў.

— Так. Але я лічу Латыпава дастаткова інтэлігентным чалавекам. Тым больш што ўвесь час ён падкрэсліваў, што гэта яго асабістая ініцыятыва. Таму, калі што-небудзь трэба, ты скажы. Я сустрэнуся з Латыпавым яшчэ раз.

— Ніякай дапамогі мне не трэба. Ёсць толькі адна праблема — з прапіскай Ірыны…

Справа была ў тым, што Ірына Міхайлаўна ў нашым консульстве ў Празе абмяняла стары пашпарт на новы. Аднак калі яна пайшла ў ЖЭС, каб паставіць штамп аб мінскай прапісцы, ёй сказалі, што зрабіць гэтага не змогуць, бо ў яе — штамп аб сталым пражыванні ў Чэхіі.

— Тут, Генадзь, у мяне праблема… — сказаў Васіль. — У выпадку чаго… (ён сумна і шматзначна змоўк) для мяне гэта будзе трагедыя. Таму што, калі не будзе штампа аб мінскай прапісцы, Ірыну выкінуць, а кватэру забярэ дзяржава. Гэта мяне турбуе… А ўсё астатняе неістотна…

Пасля гэтага я звязаўся з Латыпавым і сказаў, што ёсць патрэба сустрэцца. Ён прыехаў да мяне на дачу. Я папярэдзіў:

— Васіль не хоча быць камусьці абавязаным. Тым больш, каб гэта было звязана з Лукашэнкам. Ён памятае, як Аляксандр Рыгоравіч сказаў калісьці, што на пахаванне Генадзя Дзмітрыевіча Карпенкі нават чаравікі купляў. Васіль баіцца, каб такое не было заяўлена пасля яго смерці.

На гэта Латыпаў заўважыў:

пра адно, ужо па ўласнай ініцыятыве:

— На паліграфкамбінаце ляжыць набраны першы том збору твораў Быкава. Каб выпусціць яго, спатрэбіцца ўсяго некалькі дзён. Дайце, калі ласка, каманду надрукаваць хоць бы дзясятак асобнікаў, каб Васіль патрымаў у руках гэты том…

Латыпаў адказаў:

— Генадзь Мікалаевіч, пастараюся і гэта зрабіць…

Што тычыцца першай просьбы, Урал Рамдракавіч аператыўна дапамог: Ірыну Міхайлаўну хутка прапісалі — усё было зроблена літаральна за некалькі гадзін. І Васіль сказаў мне: «Дзякуй, Генадзь». Думаю, добра, што ён паспеў зняць з душы гэты клопат — гэта адбылося яшчэ да Бараўлян.

Што ж тычыцца другой маёй просьбы, то пазней я даведаўся: званок выдаўцам быў, аднак затым — ужо не ведаю, якія сілы ўмяшаліся, — быў яшчэ адзін званок: не друкаваць. Гэты званок стаў вырашальным…

…У мяне няма падстаў сцвярджаць, што Латыпаў распавёў пра нашыя размовы Лукашэнку. Але і выключаць гэтага таксама, мабыць, не варта…

Распавядаючы гэтую гісторыю, Генадзь Мікалаевіч дадаваў: «Я даў Латыпаву слова, што пра гэтыя нашы размовы нікому не раскажу, і ён мне даў такое слова, — зазначыў Генадзь Мікалаевіч. — Але пасля Лукашэнка, выступаючы, сказаў, што зрабіў для Быкава ўсё, аб чым ён прасіў. Я не маю пакуль падстаў сцвярджаць, што Латыпаў расказаў Лукашэнку пра нашы размовы. Тым больш што Аляксандр Рыгоравіч такі чалавек — для яго зманіць — нічога не значыць». Зрэшты, ні тады, ні пасля не пытаўся ў Бураўкіна, ці з'явілася ў яго нейкая дадатковая інфармацыя па гэтай справе, аднак ніколі потым не чуў ад Генадзя Мікалаевіча і слова шкадавання пра тое, што ён распавёў мне пра гэта…

Семнадцать мгновений судьбы Иосифа Калюты

Почти шестьдесят лет в профессии! Иосиф Калюта не раз менял редакции, должности, но всегда оставался верен правилу: если пишешь материал, то так, чтобы не стыдно было подписать его своей фамилией. А по-человечески в Иосифе Александровиче подкупает то, что и в солидном возрасте в нем сохранилось некое мушкетерство по отношению к друзьям и напрочь отсутствует всезнайство. Иосиф Калюта — носитель колоссального журналистского опыта и житейской мудрости, которыми он и поделился с нашими читателями.

— Давайте начнем издалека и вспомним Ваш первый журналистский опыт.

— Простите за нескромность, но первый опыт был… редакторский. В Межеречской средней школе Зельвенского района выпускали газету «Пятерочка», и я, ученик 8 класса, был редактором. Мне повезло с учительницей русского языка — Любовь Гавриловну мы между собой называли Седая Бабушка. Она была такая классическая бабушка в пенсне, которая опекала каждого ученика, влюбила нас всех в литературу. С ее подачи я отправлял стихи в районную газету, некоторые даже были напечатаны.

Перед выпускными экзаменами Любовь Гавриловна вызвала меня и сказала, что на днях едет в Гродно и хотела бы познакомить меня с поэтом Михасем Васильком. Новость приятная: в Гродно я к тому времени еще ни разу не был, а еще и знакомство с настоящим поэтом!

В редакции «Гродненской правды» разыскали Михася Василька. Из разговора учительницы и поэта я понял, что до войны они рядом жили, вместе учились, слушаю, мотаю на ус их воспоминания. Потом в кабинет заходит

Иосиф Калюта (стоит справа) в кругу коллег. Фото Юрия Иванова

Оксана ЯНОВСКАЯ

худощавый мужчина лет 35 на вид, в руках у него газетная полоса. С Михасем Иосифовичем он внес правки и ушел. Василек говорит: «Это наш стиль-редактор и переводчик, фронтовик Быков Василь, пишет интересные рассказы. Запомни это имя, скоро о нем будут говорить как о большом писателе».

После окончания школы в 1959 году меня пригласили в районную газету Зельвы «Путь к коммунизму». Два года осваивал газетное ремесло. Но потом в связи с укрупнением районов газету закрыли. В 19 лет оказался безработным. Через пару месяцев пригласили в редакцию Гродненского областного радио. Пришлось осваивать новую работу. С «репортером» через плечо исколесил всю область. В одной из командировок встретился с интересным парнем — секретарем сельского комитета комсомола Лидского производственного управления Иваном Ярмощуком. Была у нас радийная беседа, потом сочинил очерк «Вечная командировка» и отправил в «Знамя юности». Напечатали. А через пару дней позвонили и предложили приехать в Минск познакомиться. Заглянул. Обернулось это тем, что зачислили в штат собкором «ЗЮ» по Гродненской области. Было это осенью 1963 года.

В феврале 1964 года Никита Хрущев провел очередной пленум ЦК по сельскому хозяйству. Партию, в том числе комсомол, мобилизовали на подъем сельского хозяйства. И вот сидим мы в редакции и думаем, как реализовать призывы и лозунги. Я придумал идею учредить паспорт молодого хлебороба и вручать его молодым труженикам села. Редактор Виталий Чанин сказал: «Придумал, флаг тебе в руки —действуй». Так я стал в одном лице пропагандистом и организатором. В типографии напечатал пару сотен книжечек — паспортов молодого хлебороба. На Слонимщине в колхозе «Слава труду» провели праздник посвящения в хлеборобы. На то время этот колхоз вполне соответствовал нынешним агрогородкам, у них был даже свой дом отдыха. Праздник провели, ветераны вручили молодым людям паспорта, настроение у всех приподнятое. Наверное, нынешние 20-летние вряд ли поймут, что это за радость. Но в те годы у сельских жителей еще не было паспортов граждан СССР, и тот наш самодельный паспорт был хоть каким-то удостоверением личности молодых людей.

— Часто Вам приходилось выступать в роли организатора?

— Да вот буквально через два года, в 1966 году, ко Дню Победы на окраине города Лиды решили по инициативе «Знамени юности» насыпать Курган Бессмертия на местах боев. Аналог был — в 1924 году в Новогрудке насыпали курган Адама Мицкевича. Я читал, как тогда все происходило.

Написал сценарий предстоящего мероприятия. В горкоме партии одобрили мою идею заложить у подножия Кургана капсулу с «Письмом в Будущее». Текст письма, разумеется, тоже я сочинил. Потом обо всем этом рассказал в репортаже «Аисты над святыней».

— Композиторы, например, говорят, что есть у них хорошие песни, а есть суперхиты. И если хороших песен может быт сотня, то суперхитов — единицы. Если применить их терминологию к журналистике, что бы Вы причислили к суперхитам?

— Думаю, это публикации, которые восстановили доброе имя, историческую справедливость. У меня есть такие. Основателем Слонимского краеведческого музея был Иосиф Стабровский, именно он передал музею экспонаты из личной коллекции. Было это в 1929 году. По совести, нужно бы музею присвоить имя основателя, но не тут-то было: Стабровский — офицер царской армии. Этот факт перевешивал его службу в Красной армии. Ряд моих публикаций на протяжении нескольких лет, беседы с чиновниками все же дали результат: музею присвоили имя Иосифа Стабровского.

Еще одну историю могу припомнить: директор Сморгонского завода оптического станкостроения Сергей Пелих съездил в заграничную командировку. События разворачивались в 1993 году, тогда наш директорат еще не шибко-то за рубеж ездил. Так вот, на Пелиха посыпались обвинения, мол, за границу отправился, валюту транжирит. Никто не подумал, что он поехал в командировку решать производственные задачи, налаживать сбыт продукции. Вопрос уже стоял и об увольнении директора. Я съездил в Сморгонь, поговорил с ним, изучил заводские документы и написал все как есть. А в активе у директора — заграничные контракты, налажен сбыт продукции, у заводчан хорошие заработки. Сергей Александрович, наверное, первый в Беларуси ввел «телефон доверия» на предприятии. В общем, публикация остановила травлю толкового директора. Он тогда еще, помнится, шутил:

«Уволят, открою кооператив, стану миллионером». Да, миллионерами мы все вскоре стали…

Кстати, после той публикации о Пелихе и его загранкомандировке было продолжение. Я написал материал, но для журнала «Беларусь» он был неформат. Главред Александр Шабалин и говорит мне: «Давай предложим "Народной газете"». Тогда там у руля был Иосиф Середич, и тираж «НГ» составлял полмиллиона! Очерк вышел, а через две недели звонит мне домой Середич, говорит, что через 15 минут зайдет. Пришел. Достает из пакета бутылку коньяка, мол, нужно поговорить. Договорились до того, что, уходя, Иосиф Павлович предъявил ультиматум: если хочешь, чтобы подавал тебе при встрече руку, дай слово, что перейдешь работать в «Народную газету»!

Ситуация: Шабалин — друг, а Середич — известный редактор. Как уйти к одному, не обидев другого? Но мы все втроем смогли договориться.

— Вы перешли в «Народную газету». Как там работалось?

— Да. Перешел и там сходу схлопотал выговор. Правда, в тот же день его отменили. А сюжет разворачивался, как в боевике. Только обошлось без стрельбы. Дело было так. Визит Бориса Ельцина в Минск. Готовимся к этому событию и мы в редакции. Иосиф Павлович на планерке попросил легких на подъем репортеров добывать эксклюзивную информацию «вокруг да около визита президента России», если понадобится — даже из-под земли.

Я напросился пойти на пресс-конференцию, хотя у меня была «домашняя заготовка», но о ней я промолчал на планерке. А имелась договоренность с моим знакомым архитектором Юрием Сердюковым — однокурсником Бориса Николаевича и Наины Иосифовны по Уральскому политехническому. Он по секрету поведал мне о телефонном звонке из Москвы. Звонила Наина Ельцина: «Здравствуй, Юра! Узнаешь однокурсницу? Через два дня мы с Борисом Николаевичем прилетаем в Минск. Собери, пожалуйста, наших политехов, их в Минске пятеро. Пригласите жен». И назвала время и место встречи. Правда, оговорила условие: встреча будет в узком кругу, неформальная, без прессы…

На пресс-конференции я занял очередь у микрофона, приготовился задать вопрос «Народной газеты», но тут неожиданно объявили, что пресс-конференция закончена, время вышло… Задать вопрос я не успел.

Наутро на планерке Середич спрашивает: «Где Калюта? Ждем от него информацию о пресс-конференции». Как мне потом рассказали, вопрос повис в воздухе, и главред, не обнаружив меня, изрек: «Что ж, коли так, выговор моему тезке обеспечен».

Появиться на планерке я не мог. Как раз в это же самое время мы беседовали в проектном институте с Юрием Сердюковым. Была, конечно, мысль сообщить в редакцию, объяснить, где я, что да как. Но мобильников в ту пору еще и в помине не было, да и городского телефона под рукой не оказалось. Чтобы никто не мешал нашему разговору, мы приютились в закутке одной из комнат с какими-то приборами.

Мой собеседник рассказал о неформальной, почти семейной встрече первой леди Наины Ельциной с однокурсниками, о бесконечных воспоминаниях. Благодарю Юрия Ивановича за интересную информацию и … Он все понял, говорит: пишите, как все было, за точность ручаюсь. Официальный визит закончился, можно рассказать о неформальном.

Возвращаюсь домой, сажусь за машинку, включаю диктофон… Часам к одиннадцати я уже был в редакции. Иду к Середичу с готовым блиц-интервью. Иосиф Павлович быстро прочитал текст, выждал паузу и написал резолюцию: «В номер» На первую полосу». При этом уточнил: «Кто-нибудь кроме тебя о встрече Наины Ельциной с однокурсниками напишет?» Отвечаю: «Нет, конечно. Это эксклюзив». Середич говорит: «Значит, вставим парочку фитилей конкурентам из других газет? Что ж, молодец!»

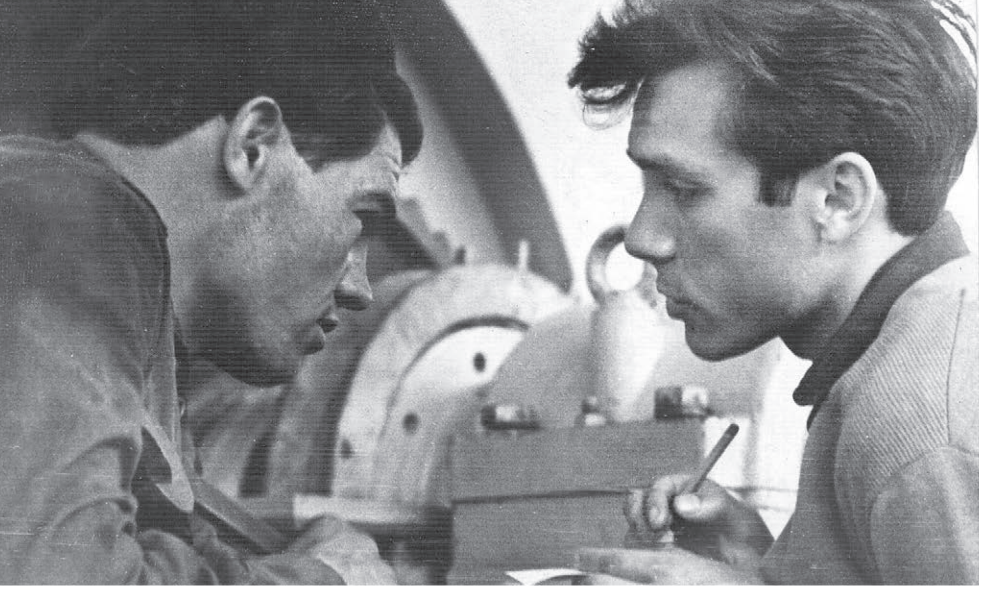
Под вечер утренний приказ о выговоре дезавуировали, появился другой: за блиц интервью в рубрику «Не для печати» мне объявлена благодарность с выдачей денежной премии. Утром стулья, вечером деньги — такая получилась история.

— Да, дружба дружбой, а табачок врозь…

— Можно и так сказать… Иосиф Павлович — редактор, с которым много пройдено. Он человек амбициозный, энергичный, может завестись с полоборота, но обид не держит, умеет подобрать кадры, создает им условия для творческой работы. Середич — боец, который идет до конца, отстаивает свою позицию и не прогибается под власть. Насколько я могу судить, и в журналистских кругах, и во властных структурах есть люди, которые недолюбливают его, но нет таких, кто бы его не уважал.

— Часто Вас приглашали на работу маститые редактора. Трудно работать с такими?

— Мне везло на редакторов! Все они были люди своего времени. Николай Леонов — первый мой

Одно из первых интервью

— Семья, работы было много, командировки без конца, учиться пришлось заочно, в Гродно и в Минском пединституте окончил исторический факультет.

— О, в советское время, оказывается, могли простить отсутствие диплома журфака при условии, что человек состоялся в профессии. Вопрос у меня почему-то формулируется именно так: удалось ли увильнуть от вступления в партию?

— Удачно сформулировали. Не удалось. Вообще-то мой отец был против вступления в комсомол, но тут уж его уговорили: как это десятиклассник будет не как все, без значка ВЛКСМ.

С партией вот как вышло. Когда пригласили в «Сельскую газету», Владимир Матвеев даже не спросил, состою ли я партии, хотя тогда это был вопрос номер один. Ему срочно нужен был пишущий человек, вот я и пришелся ко двору. В партию пришлось вступить, работая в комсомольской газете. Считаю, что вступил в ее ряды не ради карьеры. Было так. Приказом по редакции «ЗЮ» меня назначили завотделом комсомольской жизни и членом редколлегии. Потом спохватились: на этой должности может быть только член партии. А я беспартийный и честное беспартийное: вступать желания у меня не было. Я отнекивался, мол, не созрел идеологически, могу не оправдать высокого доверия. Это, конечно, выглядело мальчишеством. Мне-то что: я тогда вынашивал идею попросить вернуть меня на должность корреспондента. А каково редактору? Подставить Николая Соколова я не мог.

Меня начали готовить ко вступлению в партию. Но тут возникла новая преграда. В то время существовала разнарядка: представителей рабочего класса и тружеников села могли принять в партию в любое время — было бы желание. А для творческой интеллигенции, в том числе журналистов, очередь на вступление была такая же, как в Мавзолей. Не знаю, кто и в какой высокой инстанции замолвил слово, но меня на бюро Советского райкома партии приняли в экстренном порядке. Как я расставался с партией Ленина, история не менее любопытная.

— Расскажите…

— Был понедельник, 19 августа 1991 года. С утра задержался дома — уж не помню, по какой причине,

редактор в Зельвенской районке, затем — Виталий Чанин и Николай Соколов в «Знамени юности», Владимир Матвеев в «Сельской газете», Андрей Макаёнок в журнале «Неман», Владимир Величко в журнале «Коммунист Белоруссии», Иосиф Середич и Николай Галко в «Народной газете», Александр Шабалин — в журнале «Беларусь». О Шабалине скажу отдельно. Стаж нашей дружбы вобрал полвека (!), полагаю, это дает мне право называть его Сашей. А знаете, с другом, если он главред, работать сложно. На планерках, на заседаниях редколлегии приходится держать дистанцию, лавировать, обращаться на «вы» и по имени-отчеству. В остальном же, понятное дело, мы были на «ты».

— Но шила в мешке не утаишь — коллеги-то явно знали о дружбе.

— Конечно! Знали о нашей с Сашей дружбе, знали, что мы «дружим домами», как говорили герои фильма «Москва слезам не верит». А от этого — двойная моральная ответственность: тебе надо выполнять все поручения главного не хуже, а лучше, чем это делают другие, писать, естественно, тоже на высоком уровне, вести себя в коллективе так, чтобы ни в чем не подводить, не подставлять друга-редактора. И спорили мы с Сашей часто — не без того, ибо в споре истина и рождается.

— Но Вы и сами были главным редактором творческого объединения «Летопись» на «Беларусьфильме», затем руководили журналом «Олимп» и еженедельником «Друг пенсионера». Как Вы думаете, везло ли сотрудникам тех редакций, когда Вы были у руля?

— Судить не мне. Атмосфера, скажу честно, была творческая. И взаимопонимание тоже — это точно. А конфликты? Конфликты могли только присниться (улыбается).

— Иосиф Александрович, что-то мы упустили студенческие годы…

Выездная бригада «Знамени Юности» на строительстве Гродненского азотно-тукового комбината: Иосиф Калюта, Анатолий Савеличев, Эрнест Ялугин; 1964 г.

сижу на кухне, пью чай. Из репродуктора, а он постоянно включен, льется классическая музыка. «К чему бы это?» — подумал. И тут раздается звонок моего друга Виктора Жилина: «Включи телевизор». Спрашиваю у него: «Зачем?». — «Включи», — сказал как отрезал Виктор.

С экрана диктор программы «Время» Вера Шебеко, не отрывая глаз от текста, читает какое-то важное сообщение, смысл которого, похоже, ей самой не совсем понятен. Это было видно по ее обреченному лицу. Мы с Верой давно знакомы: до Москвы она работала на областной телестудии в Гродно. Затем телезрителям показали «Лебединое озеро», зачитали пакет документов ГКЧП.

Как дурной сон воспринимались телекадры из Москвы: пресс-конференция «спасателей» Отечества, колонна бронетехники на набережной Москвы-реки, войска на подступах к Кремлю, заявления о болезни Горбачева, обращение к народу президента России Ельцина…

Под впечатлением от увиденного на экране, услышанного на улицах Минска в редакции журнала «Беларусь», где я тогда служил, сочинил небольшую заметку «по поводу», в эпилоге которой — мое публичное заявление о выходе из партии. Но куда и кому отнести текст? В республиканские партийные газеты путь закрыт, им «перекрыли кислород» — ЦК КПБ поддержал «гэкачепистов». Иду в редакцию «Знаменки» — на то время она была самой что ни на есть независимой. Ребята в секретариате редакции сказали: «То что надо! Покупайте завтрашний номер».

А завтра была суббота. Газеты в те дни августа 91-го в киосках раскупали как горячие пирожки. С утра мой домашний телефон накалился докрасна (смеется).

— И какова была реакция звонивших?

— Двойственная… От одобрения моего поступка — публичного заявления о выходе из КПСС — до неприятия. Причем полного. «Ты о последствиях подумал, — говорили мне. — Еще не ясно, куда качнется маятник». К счастью для нас всех, переворот не удался, маятник качнулся в правильном направлении.

— Иосиф Александрович, а была ли свобода у советских журналистов хотя бы в выборе героев?

— Скажу так: была относительная свобода. Сами себя цензурировали. А героев пытались найти с интересными судьбами, чтобы не только передовик производства, но и личная история интересная была. Мне было легко и просто, потому что за 8 лет я исколесил всю Гродненщину и, пожалуй, каждую собаку знал по имени. Легко находил интересных людей, и они ко мне тоже нередко слетались, как прирученные птицы. В Минске тоже не было проблем. Например, познакомился, а потом и подружился с гроссмейстером Виктором Купрейчиком, и он ввел меня в мир спорта — я там стал своим.

— Папа моей подруги, а ему 76 лет, говорит: «Может, я и не верил тому, что печатала «Правда», но написано было мастерски, не то что теперь». Согласны ли Вы с такой оценкой?

— Соглашусь. Партийно-идеологической дури было много, но и возможности для творчества были. А может, мы их сами создавали. Ну, например, в «Знаменке» устраивали внутриредакционный конкурс на самую короткую информацию. Саша Станюта приехал в командировку в Гродно, и мы вдвоем между делом сочинили информацию на 15 строк. Подписали двумя фамилиями. А они-то еще и рифмовались! При подведении итогов приз присудили нам двоим. В «Знаменке» вообще работала великолепная команда, что и подтвердила дальнейшая жизнь. Ушли в литературу мои коллеги Евгений Будинас, Аркадий Савеличев, Эрнест Ялугин, Александр Станюта, Владимир Некляев. Собкорами центральных газет по Белорусской ССР стали Лидия Восковцова, Эмма Луканская, Валерий Перзашкевич, Петр Бурак, Сергей Ваганов, Ольга Сверкунова. Высоко шагнула по карьерной лестнице

Журналистов государственных СМИ информацией на любую тему подзаряжают, словно батарейки, сотни пресс-центров, пресс-служб, созданных по всей стране. Количество таких «подручных информаторов» растет, и вскоре, боюсь, числом своим они превысят тираж некоторых газет и журналов.

Ядвига Юферова: она стала первым замом главного редактора «Комсомольской правды», а теперь — зам главного редактора правительственной «Российской газеты». Борис Пастернак, поработав в журнале «Огонек» и «Известиях», возглавил крупное российское издательство «Время». Вы можете назвать еще одну редакцию, ставшую кузницей таких журналистских кадров?!

— Пожалуй, нет…

— Вот то-то и оно. Я тоже не могу.

— А Вам доводилось наблюдать, как работали коллеги?

— Конечно. Скажем, у собкора «Литературной газеты» Анатолия Козловича почерк был размеренный, экономный, он как бы взвешивал каждую фразу и не изменял своему правилу: три странички в день. Спортивный журналист Валерий Холод предпочитал стучать по клавиатуре пишущей машинки, сопровождая творческий процесс затяжками сигареты.

Журналист от бога Степан Бородовской брал в соавторы только авторучку, у него был каллиграфический почерк, будто он не очерк писал, а школьное сочинение. За один присест, который, правда, длился с вечера до утра следующего дня, Степан мог написать очерк размером на полосу формата газеты «Правда».

Для меня же сочинительство — работа кропотливая, монотонная, сродни каторжной. Мне больше нравится процесс подготовки, сбора информации. С годами выработалась такая метода: сначала я выстраиваю сюжет очерка или большого интервью, придумываю заголовок, желательно с интригой, а перед тем как положить на бумагу первую фразу, уже держу в «запаске» готовую «причесанную» концовку, то есть финал.

— А почему сразу финал?

— Кто-то из великих музыкантов подметил: «Какими чудными не будут части симфонии, ее успех или неуспех у публики решает финал». Это замечание я взял на карандаш и считаю, что оно имеет касательство не только к музыке, но и к литературе, журналистике.

— У каждого журналиста есть любимый жанр. А у Вас?

— Всеядность и многотемность не по моей части. От оперативных материалов (не люблю слово материал, но другого не придумали) я тоже по возможности старался увиливать. Мне ближе очерк, документальная новелла, большое интервью.

Знаете, почему очерк любимый жанр? В благословенные для журналистики 60–80-е годы лучшие очерки, опубликованные в республиканских газетах и журналах, собирали под одной обложкой и печатали в издательствах «Беларусь», «Юнацтва», «Ураджай». Сегодня очерк как таковой — редкий гость на газетных страницах. А жаль. Этот любимый и читателями жанр вытеснили корреспонденции, подробные отчеты, больше похожие на стенограммы. Не желая кого-нибудь обидеть, скажу, что молодые журналисты, оседлав интернет, «берут за рога» любую тему или проблему, анализируют и комментируют состояние экономики, культуры, науки и политики в глобальном масштабе. Да еще где! В странах на краю света — в Австралии, Венесуэле, Мьянме, Египте, Сирии… А что происходит под окнами редакционных кабинетов, не говоря об отдаленных от столицы регионах, есть ли там проблемы, как они решаются, для репортеров дело вроде бы второстепенное. Чтобы узнать о провинциальной жизни как таковой, следует выезжать в командировку. А зачем выезжать? Журналистов государственных СМИ информацией на любую тему подзаряжают, словно батарейки, сотни пресс-центров, пресс-служб, созданных по всей стране. Количество таких «подручных информаторов» растет, и вскоре, боюсь, числом они превысят тираж некоторых газет и журналов.

— Расскажите, кто из героев Ваших публикаций оставил наиболее яркое впечатление?

— Таких десятки, а то и сотни. Назову самых-самых. Летчик-испытатель Сергей Анохин. Только один факт о нем: во время Второй мировой войны он совершил уникальный перелет через линию фронта и вывез в Москву на планере раненных партизан из отряда «Мститель», дислоцировавшегося под Бегомлем. А трактористка из Слонимского района Мария Жарко! Чемпионка среди пахарей и победительница Всесоюзного телеконкурса «А ну-ка, девушки!». На том конкурсе она пела, танцевала, читала сонеты Шекспира — и это не было постановкой. Брал интервью у Мэри Поппинс — актрисы Натальи Андрейченко, у популярного актера Михаила Пуговкина. А вот с народным артистом СССР Николаем Еременко-старшим и его

Коллеги. С Анатолием Козловичем

сыном народным артистом РСФСР Николаем Еременко-младшим получилось двойное интервью: одни и те же вопросы задавал старшему в Минске, младшему — в Москве.

Пересекались мои пути-дороги с доктором физико-математических наук, профессором Леонидом Цеснеком, сделавшим поворот от физики к лирике: он перевел с фарси на русский стихи знаменитого поэта Омара Хайяма, проиллюстрировал тексты собственными рисунками и издал книгу.

Однажды в редакцию «Народной газеты» зашел молодой человек и показал общую тетрадку в клеточку, заполненную стихами. Познакомились. Это был дворник одного из столичных ЖЭСов Андрей Дубровский. Заинтересовал он не только классными стихами, часть из которых была опубликована в газете, но еще и тем, что он и его бабушка были футбольными фанатами и вместе ходили на стадион «Динамо».

Репортерская судьба свела меня с легендарными белорусскими спортсменами-олимпийцами: Ромуальдом Климом, Леонидом Тараненко, Еленой Беловой, Екатериной Карстен. Все они были героями моих очерков. Но шахматная тема стоит как бы особняком: здесь что ни имя, то личность, мастера древней и мудрой игры — Сало Флор, Михаил Таль, Борис Спасский, Гарри Каспаров, мой друг Виктор Купрейчик. Кстати, он журналист, однокурсник Иосифа Середича и Ядвиги Юферовой.

— Наверное, и забавные случаи с героями публикаций были?

— Как же без них! О «чуде с косичками» Оле Корбут я рассказывал еще в те годы, когда она делала свои первые шаги на гимнастическом помосте. Припоминаю лето 1972 года. В Москве, в Лужниках, она сенсационно выиграла Кубок СССР. Еду в гродненский аэропорт, чтобы, как теперь говорят, взять эксклюзивное интервью у трапа самолета. Опрометчиво спрашиваю: «Кубок-то тяжелый, наверно?» Оля, не долго думая, передает его мне: «Возьмите! И узнаете вес». Так Олин хрустальный Кубок, кстати, увесистый, я и тащил от аэропорта до подъезда дома, где она тогда жила с родителями.

Или вот еще история. Режиссер Владимир Орлов пригласил меня на съемочную площадку первого белорусского телесериала «Проклятый уютный дом». Снимали эпизоды в местечке Щорсы в заброшенной усадьбе Хрептовичей. После съемок я целый вечер проговорил с Донатасом Банионисом — исполнителем одной из центральных ролей картины и его супругой Оной. Беседу нашу опубликовали в журнале «Беларусь». Через три года встретились на озвучке фильма и вот что было забавно: мы оба сменили имидж — Банионис сбрил бороду, оставив только усы, а я бороду отпустил.

— Иосиф Александрович, внимательно проследила по трудовой книжке, вернее по двум, за Вашими странствиями по редакциям, и таковых ходов-переходов набралось около семнадцати. Уж не считали ли Вас «летуном»?

— Признаюсь как на духу: летуном, перебежчиком меня не считали и сам себя таковым не ощущал. Просто в младые лета, да и позднее, уже в возрасте зрелом, был легок на подъем. Приглашали, часто настойчиво, а я «покупался» и переходил из одной редакции в другую. Покупался на новый журналистский коллектив, новую тематику — вот что привлекало, хотя иногда и материальная сторона оборачивалась приятной составляющей.

Газетная работа и работа в литературном журнале — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. А на телевидении и киностудии — тем более. Было интересно постигать новое ремесло и там, и там — это в моем характере.

— Говорят, нельзя дважды войти в одну реку, а Вы рискнули…

Разговор
с Донатасом
Банионисом

— Говорят… А я входил. Не поверите, уходил и возвращался в «Знаменку» и «Народную газету» дважды, в журнал «Беларусь» — трижды. Что было, то было…

Кстати, я очень люблю цифру два. У меня две трудовые книжки, два сборника очерков. Две книги я отредактировал: «Іван Бунін. Пераклады вершаў, эсэ, старонак з дзённіка» и «Трава забвения не прорастает». У меня два сына, двое внуков. Две награды: советская Почетная грамота Верховного Совета БССР за освещение Олимиады-80 и международная, завоеванная на конкурсе «Мир Вьетнаму». Правда, во Вьетнаме я никогда не был.

— За что же Вас тогда наградили?

— Это был 1972 год. Во Вьетнаме шла война. Пенсионерка из Сморгони узнала из газет о судьбе вьетнамского юноши, потерявшего родителей. Он учился тогда в Минске. Женщина разыскала его и решила усыновить. Об этой житейской истории я написал очерк «Сын мой Нгуен Тьен». Очерк попал на международный конкурс. А вскоре из Праги, где находился офис Международной организации журналистов, пришла бандероль с дипломом, похожим на древний папирус. В поздравительном тексте меня, тридцатилетнего, величали монсеньером. Мелочь, а приятно.

— Иосиф Александрович, много дурзей приобрели благодаря журналистской работе?

— Друзей много не бывает, их не выбирают, они — как подарки судьбы. Саша Шабалин, Виктор Жилин и Валера Холод — три моих, как я смею думать, друга уже в лучшем из миров. Мне их очень не хватает. Остались хорошие приятели — Виктор Купрейчик, журналист и переводчик Валерий Яновский, историк, мой сокурсник Александр Жамойтин, известный журналист и фотохудожник Юрий Иванов, бывший председатель колхоза Александр Соколов и Володя Некляев. Мы перезваниваемся, хотя хотелось бы чаще встречаться.

С Володей Некляевым мы в разных весовых категориях. Он — известный политик и признанный поэт, а я — просто журналист. Познакомились мы с ним в середине 70-х и душевно сошлись, поддерживаем дружбу по сей день. Иногда перечитываю его книги, их десяток в моей домашней библиотеке. Недавно она пополнилась. Володя презентовал «Знакі прыпынку» с дарственной надписью:

«Даўняму сябру, аднаму з нямногіх, якія засталіся:
Можа, мы жылі не крута,
Не зграблі ўсе рублі,
Але бачыць Бог, Калюта:
Мы зрабілі, што змаглі».

— Ваш журналистский марафон длится без малого шестьдесят лет. Не задумывались, могло ли многое в жизни повернуться иначе?

— Не знаю, что и ответить… Бродит по свету изречение эдакого нравоучительного толка: «Если бы довелось начинать жизнь сначала, я бы прожил ее точно так же». Сказать подобное о себе не могу. Все мы временщики на этой грешной земле, чего-то достигаем в жизни, совершаем те или иные поступки, ошибаемся, каемся, порой ведем себя не так, как надобно. И все-таки нужно осознавать, что далеко не все в жизни зависит от нас самих, есть еще Высший Судия. Как ни крути, а жизнь — штука интересная, непредсказуемая, если хотите, даже неопознанная, как НЛО. И, несмотря ни на что, ее нужно воспринимать как подарок.

Использованы фото из личного архива И. Калюты

Лишь слышно, как гневно молчат профсоюзы

Очередным «подарком» белорусской экономической модели стало требование премьер-министра Андрея Кобякова пресечь повышение зарплат работников предприятий, которые переживают трудности со сбытом продукции. Парадоксально, но сей факт оставили без внимания 2500 делегатов V Всебелорусского народного собрания, что никак не вяжется с официально провозглашенной в нашей стране социально ориентированной экономикой. Как и с гарантированным Конституцией правом каждого белоруса на достойную жизнь.

Дословно: *«Ряд государственных предприятий, которым оказывается господдержка, за счет роста цен пытаются поправить свою экономику, не снижая затраты. На фоне некоторой активизации спроса они активно стали увеличивать заработную плату, что категорически неправильно. Если рост заработной платы происходит на основе реальных рыночных результатов работы, то вопросов нет. Но когда отдельные предприятия вдруг решили поднять зарплату, сидя при этом на игле господдержки, в то время как установлены жесткие нормативы по зарплате в бюджетной сфере, а пенсии и пособия растут очень умеренно — это недопустимо. Соответствующие поручения по пресечению подобной практики мной даны»*.

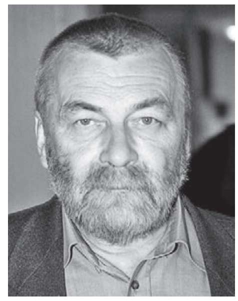
Как говорится, баста! И очень прискорбно, что господин премьер, как, подозреваю, и его правительство, в экономике не совсем… Они, похоже, не догадываются, что в ней всегда участвуют труд и капитал, полярные по своему действительному месту и роли в производстве. На одном полюсе капиталист (наниматель) — собственник средств производства, на втором полюсе наемный работник — собственник своей рабочей силы. У собственника есть все овеществленные факторы производства, но у него нет рабочей силы. У наемного работника (пролетария) нет ничего, кроме рабочей силы. Капиталист свободен в распоряжении своими фабриками и заводами, машинами и механизмами, сырьем, материалами и комплектующими, которые нужно запустить в дело. Все у него есть, но ни рабов в собственности, ни крепостных. Что делать? Ему говорят, что на рынке труда полно свободных бедняков, которые только о том и думают, чтобы продать свою рабочую силу тому, кто ее купит.

«Судьба корыстная блудница…»

И вот на рынке встречаются собственник завода и собственник рабочей силы, покупатель и продавец. Договариваются о цене: покупатель боится переплатить, продавец — продешевить, но все-таки

Фото из архива «А»

Константин СКУРАТОВИЧ

заключают сделку. Рыночные цены определяются законом стоимости товаров, а стоимость оценивается общественно необходимыми затратами на их производство. Сколько стоит производство товара рабочей силы? Еще до зачатия маленького, а в скором будущем взрослого наемного работника, необходимые затраты несут его родители. Ведь для зачатия как минимум требуется ложе, желание, нормальная потенция и, разумеется, нормальное питание… Шекспир все знал о любви и жизни: «Судьба корыстная блудница, она с голодным не ложится». Новорожденного ребенка надо вырастить: кормить и поить, обувать-одевать, обеспечить кровом, дать хорошее воспитание, выучить. Параллельно и самому работнику надо кормиться — для жизни и для поддержания своей трудоспособности, обеспечения ликвидности своего главного товара. Иными словами, стоимость рабочей силы определяется затратами собственника на ее производство и воспроизводство.

Не просто, а очень просто. Заработная плата — денежное выражение стоимости товара «рабочая сила», или «превращенная форма стоимости товара рабочая сила». Ее величина определяется условиями производства и рыночными факторами — спросом и предложением, под влиянием которых происходят отклонения заработной платы от стоимости рабочей силы. Разумеется, развитой капиталистической экономике соответствует развитый рынок труда, состояние которого «контролируется» союзами предпринимателей и профсоюзами. Они торгуются, договариваются в отношении тарифов, понимая, что обречены плыть в одной лодке. Если к этой навигации подключается в качестве лоцмана правительство, то возникает так называемый трипартизм. У правительства в этом деле свои интересы, главный из которых — сохранение социального мира в стране. Оно, конечно, заботится о налогах, но понимает, что в экономике одни участвуют только ради прибылей, а другие ради зарплат.

Технологически эта работа выглядит так. В установленный срок работодатели проводят переговоры, договариваются относительно тарифов оплаты, а после под третейским надзором правительства подписывается тарифное соглашение, которое становится законом. Работники отказываются от претензий на участие в прибылях, а работодатель лишается права снижать тарифы. Получил ли он прибыль, нет ли — заплати. Поэтому в нормальной рыночной (капиталистической) экономике предприниматель свободен в назначении цен на свою продукцию (повышай, если покупают, снижай, если выросли складские запасы), но он не может организовать фирму, не способную к соблюдению тарифного соглашения.

Зарплата входит в себестоимость производства. Это затратная статья, как закупка металлолома на БМЗ… Но также следует купить рабочую силу, которая выплавит металл. Купить – это значит заплатить. А тут говорят: купить купили, но платить не нужно.

Если бы белорусские предприятия (государственные, полугосударственные, кооперативные и получастные, пользующиеся господдержкой) оценивались по этому критерию, то их следовало бы срочно закрыть. Чтобы они окончательно не подорвали финансовое здоровье государства. Можно, разумеется, рассуждать о том, что мы, мол, сохраняем рабочие места. Но ежемесячная статистическая справка о постоянно растущих, огромных невыполняемых обязательствах предприятий убеждает в том, что

пришла пора отказаться от излишней социальности в экономике.

Разумеется, наступит шок, возможно, будет плохо (но не долго!) и народу, и лидеру государства. Которому, скорее всего, со словами: «Я сделал все, что мог, попробуйте сделать лучше!» — придется покинуть своей высокий пост. Трудно будет и новому премьеру, но ему, по крайней мере, не придется публично пороть директоров за то, что они повысили зарплаты своим работникам. Возможно, мы увидим, что в Беларуси есть и профсоюзы, которые незыблемо и честно защищают интересы и заработок трудящихся. Но пока мы лишь слышим, как они «гневно» молчат.

Перестройке — нет

К слову, не нужно было строить такую белорусскую модель, но если уж построили, то ни в коем случае не стоит ее перестраивать. Этот знакомый посыл в очередной раз прозвучал из уст главы государства 22 июня.

Так что же делать? Может, ломать, как это сделали более удачные страны и народы. В воссоединенной Германии, в бывшей ГДР, учредили структуру по попечительству над государственным имуществом, которая руководствовалась в своей работе технологией созидательного разрушения, поскольку было подмечено, что экономики ГДР и ФРГ похожи. Как тракторный двигатель на двигатель «мерседеса». Считается, что выбор есть у любого и в любой ситуации. Был он и у восточных немцев, но они посчитали, что выбор один. Потому что он правильный. Разумеется, канцлер Коль, который сотворил воссоединение, как и обещал, направил на Восток миллиарды марок из государственной казны. Но несоизмеримо большие инвестиции сделали деловые люди, которые заинтересовались возможностями этого освобожденного для капитала пространства. Клондайк. Спеши застолбить себе золотоносный участок!

Экономия зарплаты снижает налоги, выплаты в соцстрах. От каких же поступлений ожидать растущих пенсий? Возможно ли при падающих зарплатах увеличение продаж?

А ведь и у Беларуси был такой подобный и единственный, поскольку правильный, выбор. По инерции, еще в течение первого продленного срока Лукашенко, с намерениями наладить с нами сотрудничество, в Беларусь приезжали капиталисты «всех стран и народов». От обилия такого наплыва ходоков-капиталистов у «народного президента» тут же началось головокружение от мечтаний о будущих успехах. Для начала потребовал денег, потом взял под персональный контроль каждую сделку, превышающую 10 миллионов долларов. Потом заявил, что инвестировать в Беларусь будут только «самые честные капиталисты», после чего сказал, что иностранные инвестиции могут отрицательно повлиять на суверенитет Беларуси. А между делом притесняли тех, кто пришел и вложился в нашу экономику в расчете получить прибыль. Вместо этого у одних отобрали налаженный бизнес, других обложили непомерными выплатами, а третьи начали убегать сами, увидев реальную возможность посидеть в тюрьме гостеприимной Беларуси.

С отечественных капиталистов спрашивали еще строже. Кого-то посадили, но большинство убежало вместе с капиталами, сделанными в период первоначального накопления. Разумеется, беглецы не укрепили имидж экономического гения белорусского президента. И пришел день, когда серьезные инвесторы от участия в белорусской экономике отказались.

Китайцы не отказываются, но делают это настолько своеобразно, что от взаимовыгодных проектов прибыль идет только в один кошелек — китайский. Недаром же отмечено, что не текут инвестиции под Великий камень.

А инвестиции — это не совсем деньги. Инвестиции — это капитал, а капитал — это самовозрастающая стоимость, возникающая при особых отношениях людей в процессе производства. Дай ребенку денег — он их тут же до последнего цента растратит. Вложи деньги в экономику Беларуси — тут же будут возведены новые дворцы или спортивные комплексы, посещение которых среднестатистическому белорусу не по карману. Получается — капиталы вложены, освоены, но прибыли нет. Прибыль мог получить только капиталист, распоряжающийся собственными деньгами. Его упрекают, что он эксплуататор. Да, эксплуататор, но хороший, он умеет грамотно наладить эксплуатацию машин и механизмов, организовать производство с помощью любого наемного менеджера. Потому что из всех участников экономики только инвестор рискует собственными деньгами и больше всех других он заинтересован в успехе.

Фото из архива «А»

зарплату, то совсем скромную. На деле же обстояло наоборот».

Я считаю, что на деле таких экономических законов нет. Но они есть в нашем правительстве. На самом деле зарплата входит в себестоимость производства. Это затратная статья, как закупка металлолома на БМЗ, энергоресурсов, амортизация… Все, без чего нельзя наладить производство. Но также следует купить рабочую силу, которая выплавит металл. Именно это соответствует экономическим законам. Купить — это значит заплатить. Как каждый из нас покупает батон в булочной и платит.

Ящик Пандоры

Инвестор определяет научно-технический прогресс — еще одна особенность капиталистической эксплуатации труда. Поскольку в конечном счете успешность капиталиста зависит от рынка сбыта. Поэтому, например Генри Форд устанавливал такую зарплату своим рабочим, чтобы каждый из них мог купить себе автомобиль.

А у нас не экономика, а ящик Пандоры. Впервые открыли его весной 1995 года, когда в казне не было денег на посевную. Тогда аграриям сказали: «Деньги есть в банке. Ступайте и возьмите!» От такой простоты все слегка ошалели. С той поры и пошло: плохой урожай — худо, хороший урожай — еще хуже. Потому что еще больше денег требуется аграриям, чтобы поправить «плохую жизнь». Создается впечатление, что все беды, предназначенные миру, обрушились на Беларусь. Вот Кобяков сетует, что у производственников выросли зарплаты, а у бюджетников — нет, и пенсии растут медленно, что спрос слегка оживился, но потребительский бум запаздывает. Что экономика еще мало экономная. Но экономия зарплаты снижает налоги, выплаты в соцстрах. От каких же поступлений ожидать растущих пенсий? Возможно ли при падающих зарплатах увеличение продаж?

Огорчительно и смешно. Наблюдатели, оценивая текущую правительственную компанию «обрати убытки в доходы», иронизируют. Мол, по результатом прошлого года в пятерке самых убыточных оказались такие гиганты, как БМЗ, МАЗ и МТЗ. Поэтому, считают они, «согласно экономическим законам, да и просто обычной логике, работники этих предприятий если и должны были получать

А тут говорят: купить купили, но платить не нужно.

Что до логики, то она, как у обворованного киношного Шпака: «Если эта роль оскорбительная, то попрошу ко мне ее не применять!» Если бы упомянутые выше гиганты были колхозами, то их трудовое участие оценивалось бы в трудоднях, при этом им принадлежала бы вся произведенная продукция, доход, прибыль или убыток. Раньше в колхозах доход чаще всего оплачивался «пустым трудоднем». А чтобы селяне все-таки не умирали от голода, им выделяли участки для личного подсобного хозяйства.

> ***В нормальной рыночной (капиталистической экономике) предприниматель свободен в назначении цен на свою продукцию. Но он не может организовать фирму, не способную к соблюдению тарифного соглашения.***

С промышленным производством это не пройдет. Но в истории такой опыт был, когда Мао Цзэдун, соблазненный идеей попасть в коммунизм одним большим скачком, повелел установить маленькие домны в каждой большой китайской семье. Великий был человек, возможно, гениальный. Энергично разогнался, подпрыгнул и… шмякнулся на задницу.

Конфуз большой случился, благо без ущерба для здоровья, ибо высота была небольшая. А в секторе для прыжков положили поролоновые маты.

Кому нужен журналист с рюкзаком и в автомобиле?

Игорь
МОСКАЛЕНКО

Лишь после третьего приглашения я рискнул принять участие в этой, как казалось, сомнительной и никому не нужной авантюре. И вот что из этого вышло…

Еще в начале марта стало известно, что Белорусская ассоциация журналистов запускает проект «Репортаж с рюкзаком» и приглашает всех заинтересованных журналистов под девизом «Увидеть и сохранить» совершать краткодневные путешествия по неизведанным (или мало описываемым в СМИ) местам Беларуси.

«Привезенные из путешествий материалы помогут разглядеть в человеке мир, открыть давно забытую историю, приложить наши силы к сохранению культурного, национального и природного богатства страны. Мы ищем

необычных людей, открываем новые места, инспектируя природоохранные зоны, рассказываем о своих победах и находках», — заявили организаторы. При этом отметили: «Наш проводник — новый член БАЖ, турист-профессионал, альпинист Евгений Дикусаров. За плечами старшего научного сотрудника Института физико-органической химии НАН Беларуси Евгения Дикусарова — походы высшей категории сложности по горам Полярного Урала и Кадара, лыжные путешествия по Кольскому полуострову, восхождения на вершины Кавказа и вулканов Камчатки».

После таких заявлений и пояснений возникший было интерес лично у меня пропал напрочь. Лазить по лесам, лугам, болотам или даже горам столичному журналисту, привыкшему к офисному комфорту, Интернету и техническому прогрессу? Искать информационный повод или материал для исследования в безлюдной местности? Может, какому-то узкому, специализирующемуся на туризме или охране природы изданию это и полезно, но остальным-то зачем?!

Потом стали появляться отчеты о первых экспедициях. Как и следовало ожидать, главными объектами

в них были «горы и долины» и даже… подземные трубы. Читая о героических преодолениях низин и возвышенностей и рассматривая фотографии всех этих прелестей в снегу или грязи, я приходил к выводу, что на этом (или очень скоро) вся эта «заплечная» романтика иссякнет и проект останется воспоминанием о недоразумении. И вряд ли поможет им сжигание в лесу чучела Масленицы или планы отправиться в многодневку на байдарках. Узко да и… несовременно.

Однако уже следующий отчет об исследовании наземных источников Вилейско-Минской водной системы (из которой вот уже 40 лет осуществляется водоснабжение большой части Минска) доставил удовольствие от полезного и познавательного чтения и вынудил подумать, что не так уж и бестолков этот проект. Затем был отчет о поездке в Брагинский район — как живут-выживают жители деревни Гдень (в 15 км от Чернобыля и в 23 км от ЧАЭС), которых отселяли дважды: в 1986-м и в 1991 году. Читать и смотреть видео было интересно.

Особо для себя отметил, что отчеты об одном и том же (и одновременном) посещении появились

в нескольких изданиях, причем в разных регионах страны, и тем не менее в каждом материале было что-то новое, дополняющее, свое.

И когда уже в очередной раз спецпроект БАЖ «Репортаж с рюкзаком» пригласил журналистов в экспедицию по Верхнедвинскому району Витебской области, я отозвался (и записался) одним из первых. Но должен признаться: мое желание было мотивировано далеко не только наступлением лета и желанием «увидеть Освейский ландшафтный заказник, добраться до озера-призрака, посетить погранзону, услышать жителей умирающих деревень, взглянуть на храмы и их развалины…». Подкупило сообщение о том, что «формат поездки — поход, транспорт — автомобили нашего партнера — официального дилера Lifan в Беларуси "Бизнес Кар" кроссоверы X50 и X60». Да, лично для меня (и, уверен, для многих моих коллег-журналистов) это очень существенный аспект. Добираться за 350 км до мест осмотра и исследования на замечательных новеньких автомобилях (а не общественным транспортом и пешком) — едва ли не главный

аргумент быть в обойме уже не просто желающих, но и избранных!

Итак, я впервые принял участие в очередной экспедиции спецпроекта БАЖ «Репортаж с рюкзаком», в которой участвовали три столичных и три витебских журналиста, и убедился, что это:

1) архиважный и полезный для представителей столичных и областных СМИ проект, так как он отрывает журналистов от кресел и мониторов, вытаскивает их на свет божий из уютных квартир и редакционных офисов, заставляя искать и находить живые темы и материалы среди реальных людей и их проблем, а не множить унылость, тоску и скуку, занимаясь рерайтом и копипастом, что в конечном итоге ведет к профессиональной деградации и потере чувства реальности;

2) замечательный способ для журналистов из разных изданий познакомиться (и даже подружиться) в неформальной (но рабочей!) обстановке и обменяться впечатлениями от увиденного и даже пережитого;

3) прекрасная возможность узнать, рассмотреть свою страну вблизи и «на ощупь» самому, а не из телевизора или монитора. Услышать и узнать от людей в «богом забытых деревнях» и так называемых малых населенных пунктах то, что нигде, возможно, больше и не услышишь, да и сам не всегда сможешь кому-либо рассказать или написать, однако запомнишь и будешь жить с этим — уже новым знанием — как с очень важным профессиональным багажом. Да и сами эти люди, возможно, перестанут чувствовать себя такими одинокими и никому не нужными и согреются мыслью, что «вот аж с самой столицы (или области) к ним приехали, уважили, послушали и может даже напишут…».

А что лично для себя, а точнее для своего издания, вынес из этой поездки я?

Во-первых, узнал много любопытного об известном (но «загадочном») местном предпринимателе, чья деятельность обсуждается даже в столице и вызывает полярную реакцию с разных сторон. Хороший задел для предстоящего расследования с целью получения объективной картины и оценки.

Во-вторых, познакомился с условиями службы на погранзаставе (недалеко от точки стыка государственных границ Беларуси, Латвии и России) и впечатлился открытостью, грамотностью и доброжелательностью ее руководства и личного состава. Завел полезное знакомство и даже, возможно, дружбу.

В-третьих, увидел, что представляют места, где на 6–8 деревень осталось три жителя, и узнал, как живет одна на всю деревню 83-летняя бабушка, получая пенсию в размере 2 400 000 рублей, и почему ей не хочется переезжать к сыну и внукам в Полоцк.

Наконец, узнал, как выглядит второй по величине в Беларуси заказник — Освейское озеро — и как обеспечено соблюдение комплекса природоохранных мероприятий по его содержанию

И вообще за два дня поездки по Верхнедвинскому району я узнал много нового и полезного. Не все, конечно, из того, что видел и слышал, подойдет для печати, но, несомненно, очень поспособствует моему журналистскому (да и гражданскому) кругозору и адекватному взгляду на нашу нынешнюю жизнь.

Кроме всего прочего я еще раз и окончательно убедился, что работать журналист должен не только в офисе, но периодически (и даже как можно чаще!) выезжать туда, где его внимание и сочувствие будет не только желанным и благодарным, но и крайне полезным для нашего общего Дела!

И пусть журналисты ходят с рюкзаками, пешком по деревням или всяким там заповедникам, но добираться туда они должны на хороших автомобилях (а не на перекладных), чтобы быть бодрыми, энергичными (а не унылыми и уставшими), чтобы вызывать у местных жителей своей активностью, доброжелательностью и открытостью взаимные чувства и адекватную реакцию.

Фото Елены Анкудо

Adami
MEDIA PRIZE
FOR CULTURAL
DIVERSITY
IN EASTERN
EUROPE

7HM T 1180